

ПЬЕТРО АРЕТИНО

КОМЕДИЯ О ПРИДВОРНЫХ НРАВАХ

ВЕЛИКОМУ КАРДИНАЛУ ТРИДЕНТСКОМУ

О чудесах, творимых благоволением Всевышнего, свидетельствуют обеты, Ему приносимые; о чудесах, истекающих от доблести смертных, повествуют изваяния, им воздвигаемые; о любви же, питаемой князьями к отменным дарованиям, мы судим по произведениям, им посвящаемым. Так и я посвящаю Вам ныне свою «Комедию о придворных нравах», которая должна Вам прийтись по душе. Увидев в ней частичное изображение двора и синьоров, Вы возрадуетесь, убедившись, сколь далеки Вы от этих нравов, и тем самым узнав, сколь отличаетесь Вы от людей, равных Вам по положению, подобно тому как иная девица, прогуливающаяся с черномазой дурнушкой, радуется нескладному виду спутницы, в сравнении с которой сама она кажется неизмеримо красивей и изящней. Таким образом, все дворяне, состоящие на Вашей службе, все таланты, Вас прославляющие, и все кавалеры Вашего двора, наслышавшись о поведении других, в итоге поймут, чего стоит тот человек, которому они поклоняются и служат. Не так ли поняли в конце концов сатанинскую природу Лютера, против нечестивых козней которого вся христианская религия, живущая под покровительством короля Римского, вооружилась щитом Вашей добродетели и мудрости, совет которой всегда проясняет все сомнения и предотвращает все опасности в любом из королевских начинаний? И точно

так же как Вы не могли обрести милости лучшего синьора, чем король Фердинанд, так и его величество не мог отдать себя в распоряжение лучшего блюстителя своей воли, чем Вы, великий и досточтимейший кардинал Тридентский. После всего сказанного разве не вправе я надеяться, что Вы щедрой рукой примете тот посильный дар, который столь высокой особе подношу я, человек, занимающий столь низкое положение?

Пьетро Аретино

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иностранец.

Дворянин.

Мессер Мако.

Санезе, его слуга.

Мастер Андреа, живописец.

Бродяга, торгующий занимательными книжками.

Россо } стремянные Параболано.

Каппа }

Фламминьо } лакеи Параболано.

Валерио }

Параболано, влюбленный.

Рыбак.

Причетник из ризницы собора Св. Петра.

Семпронио, старик.

Альвиджа, сводня.

Грилло, слуга мессера Мако.

Дзоппино.

Настоятель монастыря Арачели.

Магистр Меркурио, врач.

Тонья, жена Арколано

Арколано, булочник.

Жид.

Пристав и стражники.

Бьяджина, служанка синьоры Камиллы.

ПРОЛОГ,

произносимый иностранцем и дворянином.

Иностранец. Это место напоминает мне душу великого Антонио де Лейва, настолько оно прекрасно и великолепно. Наверное, здесь будут справлять какой-нибудь большой праздник. Хочу об этом спросить вон того дворянина, который там прогуливается. Эй, эй, синьор, не сумеете ли вы объяснить мне, для чего предназначается столь пышное убранство?

Дворянин. Для одной комедии, которую вот-вот будут разыгрывать.

Иностранец. А кто ее сочинил? Божественная маркиза Пескара?

Дворянин. Нет, ибо ее бессмертный стиль доставил ее великому супругу место в числе небожителей.

Иностранец. Не синьора ли Вероника да Корреджо?

Дворянин. Нет, ибо она посвящает свой возвышенный талант трудам более достославным.

Иностранец. Луиджи Аламанны?

Дворянин. Луиджи воспевает заслуги наихристианнейшего из королей, хлеба насущного для всякого дарования.

Иностранец. Ариосто?

Дворянин. Увы, Ариосто отправился на тот свет, ибо на этом он в славе более не нуждался.

Иностранец. Смерть такого человека — большая потеря для всего человечества, ведь помимо своих талантов он обладал верхом доброты.

Д в о р я н и н. Он легче бы обрел блаженство, когда бы обладал верхом злобы.

И н о с т р а н е ц. Почему?

Д в о р я н и н. Потому что он никогда не умер бы.

И н о с т р а н е ц. Ну, зубоскальство тут вряд ли уместно. Однако скажите, тогда, быть может, это творение милейшего Мольца или Бембо, отца Муз, коего я должен был бы назвать в первую голову?

Д в о р я н и н. Ни Бембо, ни Мольца, ибо один сочиняет историю Венеции, а другой — похвалы Ипполиту Медичи.

И н о с т р а н е ц. Кто же тогда? Гвидиччоне?

Д в о р я н и н. Нет, ибо он не унизил бы своего чудодейственного пера писанием таких побасенок.

И н о с т р а н е ц. Так это, верно, Риччо, чья в высшей степени серьезная комедия была представлена папе и императору.

Д в о р я н и н. Нет, комедия не его, так как в настоящее время он обратился к более достойным занятиям.

И н о с т р а н е ц. Кажется, я догадываюсь: это сочинение какой-нибудь бездарности *quoe pars est*¹. Господь, того гляди, прикажет, чтобы поэты нас затопили, как те же лютеране. Если бы Бакканский лес целиком состоял из одних лавров, их все равно не хватило бы для увенчания тех, кто распинаят Петрарку и в своих комментариях заставляет его говорить такое, в чем он не признался бы и на дыбе. Счастье Данте, что своей чертовщиной он не подпускал к себе этих мерзавцев, иначе уже давно распяли бы и его.

Д в о р я н и н. Ха-ха-ха!

И н о с т р а н е ц. А может быть, ее написал Джулио Камилло?

Д в о р я н и н. Не он написал ее, потому что занят: показывает королю всю тьму чудес, сотворенных его гением.

И н о с т р а н е ц. Так это — Тассо?

Д в о р я н и н. Тассо все собирается отблагодарить князя Салернского за его внимание. Однако, так и быть, открою вам правду: это сочинение Пьетро Аретино.

И н о с т р а н е ц. Хотя бы мне пришлось подохнуть от нужды, я все равно хочу его послушать, ибо наперед

¹ Перевод латинских выражений в этой пьесе дается в комментариях. (Примеч. ред.)

уверен, что услышу что-нибудь про пророков и про евангелистов. А может быть, он вообще там никого не касается?

Д в о р я н и н. Судя по тому, с каким жаром он прославляет доброту короля Франциска...

И н о с т р а н е ц. А кто не хвалит его величества?

Д в о р я н и н. Тогда признайте, что кто же не хвалит еще и герцога Александра, и маркиза дель Васто, и Клаудио Рангоне, эту жемчужину доблести и ума?

И н о с т р а н е ц. Три цветка еще не составляют гирлянду.

Д в о р я н и н. А щедрейшего Максимиллиано Стампа?

И н о с т р а н е ц. Найдите человека, который называл бы другие имена.

Д в о р я н и н. Лотарингского, Медичи и Тридентского?

И н о с т р а н е ц. И точно, он хвалит всех, кто этого заслуживает. Но почему не кардинала Лотарингского, кардинала Медичи, кардинала Тридентского?

Д в о р я н и н. Чтобы не порочить их имен кардинальским званием.

И н о с т р а н е ц. О! Хорошо сказано! Ха-ха-ха! А скажите мне, о чем там идет речь?

Д в о р я н и н. Автор одновременно описывает две проделки. Сначала появляется сиенец мессер Мако, который прибыл в Рим, чтобы исполнить обет, данный некогда его отцом, мечтавшим сделать сына кардиналом. А так как мессеру Мако дали понять, что никто не может стать кардиналом, не сделавшись предварительно придворным, он берет себе в наставники мастера Андреа, думая, что тот — мастер по изготовлению кардиналов. Отведенный указанным мастером Андреа в баню, он твердо верит, что баня и есть та форма, в которой отливаются придворные. Наконец, принаряженный и на помаженный Мако, в полном ослеплении, вознамеревается завладеть всем Римом, причем тем способом, о котором ты сам услышишь. А с мессером Мако путается некий синьор Параболано из Неаполя, один из тех Акурсиев или Сарапиков, что, выведенные из стойла и конюшен, поставлены бесстыжей Фортуной управлять всем миром. Этот Параболано, влюбившись в Ливию, жену римлянина Луция, и скрывая эту тайну, все выбалтывает во сне. Любимый стремянный Параболано —

Россо, подслушав тайну, предает его, внушив ему, что та, в кого он влюблен, пылает страстью и к нему. Познакомив его со сводней Альвиджей, он вдалбливает ему в башку, что это — кормилица Ливии, и сводит его не на Ливии, а на жене булочника Арколано. Комедия все это вам расскажет по порядку, ибо я в точности всего не припомню.

Иностранец. А где происходят эти милые проказы?

Дворянин. В Риме! Разве вы его не узнаете?

Иностранец. Как? Это Рим? Вот никогда не сказал бы!

Дворянин. Напоминаю вам, что он побывал в руках у испанцев, дабы очиститься от своих грехов. Однако отойдем в сторонку, и, если вы увидите, что действующие лица выходят на сцену чаще пяти раз, не смейтесь, ибо даже цепи, удерживающие мельницы на реке, не удержали бы нынешних безумцев. Помимо этого, не удивляйтесь, если комический стиль не соблюден в должной мере, ибо в Риме живут на иной манер, чем жили в Афинах.

Иностранец. Кто же в этом сомневается?

Дворянин. А вот и мессер Мако! Ха-ха-ха!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мессер Мако, Санезе.

Мессер Мако. Наконец-то Рим — эта *coda mundi*.

Санезе. Вы хотите сказать — *carut*.

Мессер Мако. Все одно. И если бы я сюда не приехал...

Санезе. То хлеб заплесневел бы.

Мессер Мако. Я говорю, что, если бы я сюда не приехал, я никогда бы не поверил в то, что Рим красивее Сиены.

Санезе. Разве я вам не сказывал, что Рим — это Рим? А вы все свое: в Сиене — кордегардия с караулом, университет с докторами, фонтан Бранда и фонтан Беччи, площадь с народом, праздник в середине августа, колесницы со свечами, лентами и водяными струйками, бой быков, конское ристалище и сотни и сотни сиенских сухариков и марципанов.

Мессер Мако. Да, но ты забываешь, что к нам благоволит сам император.

Санезе. Ну, это уже ни к селу ни к городу.

Мессер Мако. Замолчи! Вон в том окне, видишь, обезьянка? Тетка, а тетка?

Санезе. И вам не стыдно окликать на улице обезьян? Вы готовы лопнуть, только бы вас приняли за сумасшедшего. Ведь кто же догадается, что вы из Сиены?

Мессер Мако. Тише, никак, это попугай разговаривает?

С а н е з е. Это дятел, хозяин.

М е с с е р М а к о. Не ври, попугай.

С а н е з е. Это одна из тех пестрых птичек, которую ваш дедушка купил вместо попугай.

М е с с е р М а к о. Я же показывал его перья ювелиру, свинцовых дел мастеру, и он говорит, что с виду они попугаичьи и очень уж хороши.

С а н е з е. Простите меня, но вы балда, если верите этому ювелиру.

М е с с е р М а к о. Я не я, если тебя не проучу.

С а н е з е. Не сердитесь.

М е с с е р М а к о. Хочу сердиться и буду сердиться! А если ты меня не ценишь, тем хуже для тебя.

С а н е з е. Я вас ценю.

М е с с е р М а к о. Во сколько?

С а н е з е. В один дукат.

М е с с е р М а к о. Вот я и полюбил тебя. Знай это.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М а с т е р А н д р е а, м е с с е р М а к о, С а н е з е.

М а с т е р А н д р е а. Вы ищете хозяина?

М е с с е р М а к о. Вы отлично знаете, что я его хозяин...

С а н е з е. Дайте мне сказать, я владею римским наречием.

М е с с е р М а к о. Ну и говори.

М а с т е р А н д р е а. Послушайте, вы хотите найти место?

С а н е з е. Мессер Мако, ученый *in libris*, богатей из Сиены...

М а с т е р А н д р е а. К делу! Я говорю, что буду платить вам пять карлинов в месяц и что вам ничего другого не придется делать, как ухаживать за четырьмя конями и двумя мулами, таскать на кухню дрова и воду, подметать дом, ездить верхом с поручениями и чистить одежду, а остальное время можете ковырять в носу или скрести задницу.

М е с с е р М а к о. По правде говоря, я приехал сюда с определенной целью...

С а н е з е. ...сделаться кардиналом и договориться с...

Мессер Мако. ...королем Франции.

Санезе. Вернее, с папой. Разве я не просил вас: «Дайте мне сказать»?

Мастер Андреа. Ха-ха-ха!

Мессер Мако. Над чем изволит смеяться достойный синьор?

Мастер Андреа. Смешно, что вы добиваетесь небылицы. Не подлежит сомнению, что надо сначала сделаться придворным, а уж потом кардиналом. И я — профессор, преподающий всю эту придворную премудрость. Так, через мои руки прошел монсеньор де ла Сторта, преподобнейший в Боккано, декан из Монтемари и патриарх Мальяны. Если вам угодно, могу заняться и с вашей милостью. Ибо у вас такой вид, что вы делаете честь своему отечеству.

Мессер Мако. Что ты на это скажешь, Санезе?

Санезе. Это мне нравится, это как раз по мне, это меня устраивает.

Мессер Мако. Когда же вы начнете?

Мастер Андреа. Хоть сегодня, хоть завтра или когда вашей милости будет угодно.

Мессер Мако. Хотелось бы начать сейчас.

Мастер Андреа. Сделайте одолжение. Вот только сбегая за книжкой, которая учит, как сделаться придворным, и тотчас же прилечу обратно к вашей милости. Где вы остановились?

Мессер Мако и Санезе *(в один голос)*. В доме у Чеккотто-генуэзца.

Мастер Андреа. Говорите по очереди, ибо говорить двоим в один голос не полагается.

Мессер Мако. Этот лодырь сбивает меня с толку.

Санезе. Я вовсе не лодырь; вы же знаете, я собирался идти в солдаты, но вы сами не захотели, чтобы я подвергался опасности.

Мастер Андреа. Не волнуйтесь, у нас в Риме по праздникам всех зовут лодырями. Я тотчас же вернусь.

Мессер Мако. А вас как зовут?

Мастер Андреа. Мастер Андреа, проще простого. К вашим услугам, синьор.

Мессер Мако. Будьте здоровы.

Санезе. Скорее возвращайтесь.

Мастер Андреа. Отныне я ваш слуга.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мессер Мако и Санезе.

Мессер Мако. *Sic fata volunt?*

Санезе. А теперь будьте поосторожней с вашими изречениями.

Мессер Мако. Что ты там болтаешь?

Санезе. Скажите: «К вашим услугам». Разве вы не слыхали, как сказал мастер: «К вашим услугам, синьор»?

Мессер Мако. «К вашим услугам, синьор». И при этом надо держать шапку в руке. Не так ли?

Санезе. Да, хозяин. Приосаньтесь, оправьте одежду, больше важности. Так, хорошо. Шагайте свободнее, проще. Хорошо, отлично!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бродяга, торгующий занимательными книжками,
мессер Мако, Санезе.

Бродяга. Кому занимательные истории? Кому занимательные истории?

Мессер Мако. Помолчи! Что он там кричит?

Санезе. Видно, придурковатый.

Бродяга. Кому занимательные истории, истории, истории? Война турок в Венгрии! Проповеди брата Мартина! Собор! Английские дела! Торжественная встреча папы с императором! Обрезание воеводы! Погром Рима! Осада Флоренции! Переговоры в Марсилии и их завершение! Истории, истории!

Мессер Мако. Беги, лети, скачи, Санезе, на тебе юлий и купи мне чтение для придворных, ибо я хочу содеяться придворным еще прежде, чем вернется мастер. Но смотри, сам не стань придворным раньше меня. Слышишь?

Санезе. Куда мне? К черту! Эй, ты там, со своими книжками! Эй ты, с твоими писаниями! Эй ты, с бумажонками! Эй там! Эй ты! Эй вы! Чтоб тебе пусто было!.. Он свернул за угол. Бегу за ним.

Мессер Мако. Живо, говорю тебе, не упусти его!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мессер Мако, один.

Мессер Мако. Ну и улицы! Чудо, если увидишь камушек. Там наверху в окне вижу красавицу, это наверняка герцогиня Римская. Я чувствую, что влюбляюсь. Если буду кардиналом, если стану придворным, она от меня не ускользнет. Она смотрит на меня, она меня заметила. Я не я, если она не попадется мне на крючок. Но вот и Санезе! Где же книжка, Санезе?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Санезе, мессер Мако.

Санезе. Вот она. Прочитайте заглавие.

Мессер Мако. «Жизнь турок, сочинение епископа Ночерского». Чтоб тебе пусто было! Что ты хочешь, чтобы я делал с этими проклятыми нехристями? Я чуть не сказал, что хотел ими подтереться. Вон ее!

Санезе. Я у него попросил про придворных, и он мне дал эту книжку и сказал: «Узнай у своего хозяина, не хочет ли он получить французскую болезнь от Страшиносиенца?»

Мессер Мако. Какую такую французскую болезнь? Разве я таков, чтобы ее получить?

Санезе. А разве так больно ею болеть?

Мессер Мако. Пошли домой, я готов тебя убить.

Санезе. А я не дамся, хозяин.

Мессер Мако. Вот подожди, я возьму Грилло, а тебя рассчитаю.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Россо, Каппа.

Россо. Наш хозяин самый благородный палач, самый отменный негодяй и самый почтенный осел во всей Италии. Что бы там ни говорили, но не прошло и тысячи лет, как он был в одной компании с Сарапика, а теперь можно с ним разговаривать только в полнолуние.

Каппа. И уж конечно, соврал бы тот, кто вздумал бы утверждать, будто он не сволочь. Да я и сам заметил одну его вшивую подлость — он говорит слугам, которые к нему нанимаются: «За месяц вы испытаете меня как хозяина, а я за месяц испытаю вас как слугу; если вам понравлюсь, вы останетесь в доме, а если вы мне не понравитесь, вам придется уйти», а в начале следующего месяца он говорит: «Вы мне не подходите».

Россо. А, понимаю, в чем хитрость: таким способом он достигает того, что его хорошо обслуживают, а жалованья он не платит.

Каппа. Хорош гусь! Вроде смешно и жутко, потому как и в Бога-то перестаешь верить, когда видишь этакую скотину, которая, опершись на двух лакеев, заставляет шнуровать ему башмаки, и если шнурки оказываются разной длины и концы их не сходятся, он начинает орать благим матом.

Россо. А ты забыл про надушенную бумагу, которую ему приносят в нужник на серебряном подносе, и о том, что он не станет ею подтираться, покамест ее предварительно не пригубят?

Каппа. Ха-ха! Мне смешно, когда в церкви за каждую «Богородицу», прочитанную стоящим перед ним пажом, он отсчитывает столько же «Отче наш» на своих четках. И разве не потешно, когда означенный паж, прежде чем зачерпнуть святой воды, целует собственный палец и, погрузив его в воду и отвесив самый что ни на есть испанский поклон, подносит хозяину кончик этого пальца, которым мерзавец крестит себе лоб?

Россо. Ха-ха! Это, пожалуй, почище бывшего приора в Капуе, который, когда собирался помочиться, заставлял одного пажу развязывать ему гульфик, а другого — вытаскивать оттуда соловья, а когда ему расчесывали бороду, он ставил перед собой лакея с зеркалом в руке, и если, на беду, какой-нибудь волос выбивался, цирюльнику было худо.

Каппа. Скажи, а ты не обращал внимания на те фиговины, какие он выкидывает, когда чистит зубы после еды?

Россо. Как — не обращал? Конечно, обращал. Прямо не нагладишься, с каким старанием он это делает. В течение чуть ли не трех часов он растирает их водой, салфеткой и пальцем, а потом на любую услышанную шутку он нарочно разевает рот до отказа,

чтобы видны были его белые зубы. А разве не уморительно, с какой важностью он расхаживает, закручивает себе волосы на бороде и похотливым взором разглядывает других?

Каппа. Давай как-нибудь темной ночью стукнем его топориком по башке. А там будь что будет.

Россо. Что же, стукнем, и пусть послужит это в назидание другим, подобным ему. Однако вот и Валерио. Боюсь, не подслушал ли он. Пошли-ка отсюда.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Валерио, один.

Валерио. Ах вы пьяницы, предатели, висельники, удираете? Все равно я все слышал. В добрый час! Хорошее отношение к хозяевам! Вот поди свяжись с такими бандитами! Пожалуй, что на Россо хозяин и в самом деле косо смотрит. Правда, он и не стоит той одежды, которая ему каждый год выдается. Однако, чтобы сделаться любимчиком у эдаких господ, надо делать и говорить только самое скверное, на что ты способен, тогда благо тебе будет. Ведь того, кто притворяется голубком, сокол и клюет в первую очередь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Фламминьо, Валерио.

Фламминьо. Чего ты здесь хнычешь в одиночестве?

Валерио. Я вне себя от тех гнусностей, которые Россо и Каппа наговорили тут о хозяине. И если б я только не знал, что их ожидает виселица, я уж, будь уверен, отплатил бы им по заслугам. А всё любовные похождения виноваты: ведь стоит поверить слуге свои тайны, как он тотчас же сядет тебе на шею.

Фламминьо. Известное дело. Но ведь таких Россо великое множество. Я собственными ушами слышал, как один из них — ты его хорошо знаешь — говорил всякие поносные вещи о своем хозяине. А между тем хозяин как раз такой человек, каким и надо быть в наше время. Он настоящий синьор, ничуть не хуже других и

относится к нему лучше, чем к самому себе. Но чего ради эти придворные господа не берут в услужение ученых или дворян, а предпочитают неучей и простолюдинов?

В а л е р и о. Большой барин желает делать и говорить все, что ему заблагорассудится, ни с кем не считаясь. Он хочет за столом и в постели вкушать только то, что ему по вкусу, и притом так, чтобы ему не делали замечаний. Когда же он сам не знает, чего хочет, то дерется палкой, оскорбляет и истязает как ему вздумается того, кто ему прислуживает. Сам понимаешь, что такого не сделаешь с человеком ученым и знатным. Человек благородного звания скорее пойдет просить милостыню, чем опорожнять нужник или ополаскивать урыльник, а ученый скорее лопнет, чем умолчит о тех бесчестных желаниях, которые возникают у этих господ. Итак, ясно, что человек, желающий преуспеть при дворе, должен стать глухим, слепым и немым, должен превратиться в осла, вола или козленка. Да, именно так, а не иначе!

Ф л а м м и н и о. И все это проистекает оттого, что большая часть великих мира сего настолько темного происхождения, что люди более знатной крови колют им глаза. Потому-то они усиленно добывают себе гербы и находят себе титулы, чтобы казаться родовитыми.

В а л е р и о. Но кто же благороднее синьора Кон-стантино, который был правителем Мореи и князем македонским, а ныне — губернатор Фано?

Ф л а м м и н и о. Оставим эти разговоры, все дело в везении. Скажи-ка лучше, что с твоим хозяином? Он только и делает, что вздыхает.

В а л е р и о. Полагаю, что влюблен.

Ф л а м м и н и о. Этого еще не хватало. Пойдем в Бельведер, погуляем часок.

В а л е р и о. Пойдем.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Параболано, Россо.

Параболано. Откуда ты?

Россо. С Кампо-ди-Фьори.

Параболано. Кто был с тобой?

Россо. Фраппа, Скуарча, Тарталья и Тарго. Прочитал я и послание, которое дон Чиримония ди Монкада

пишет синьору Линдецца ди Валенца. Потом прошелся по улице делла Паче и встретил известную вам синьору, которая собиралась на свою винью, не помню которую. Я чуть дважды не пырнул ножом того, кто с ней разговаривал, но удержался.

П а р а б о л а н о. Иное пламя пожирает мое сердце.

Р о с с о. Будь я женщиной, я скорее сам себя подожет бы, чем отдал хотя бы чуточку огня какому-нибудь синьору. Еще два дня тому назад вы изнывали по ней, а сейчас от нее, видите ли, смердит. В конце концов, господа сами не ведают, чего хотят.

П а р а б о л а н о. Довольно болтать. Возьми эти десять скуди, купи на них миног и отнеси их в подарок тому дворянину из Сиены, который остановился в доме у Чеккотто.

Р о с с о. Этому придурку?

П а р а б о л а н о. Придурок он или мудрец, но ты к нему пойдешь. Ты же знаешь, с каким почетом я был принят в Сиене, в его доме.

Р о с с о. Уж лучше б было подарить ему двух собачек.

П а р а б о л а н о. Разве собак едят, скотина?

Р о с с о. Четыре артишока тоже неплохой подарок.

П а р а б о л а н о. Где же артишоки в этокое время года?

Р о с с о. Заставьте их вырасти.

П а р а б о л а н о. Иди и купи то, что я велел. Скажи ему, чтобы он их съел за мое здоровье и что я навещу его завтра, ибо сегодня занят во дворце.

Р о с с о. Он не отказался бы и от десятка черепаш. Думайте, хозяин, когда делаете подарки друзьям.

П а р а б о л а н о. Разве черепахи — это дар, достойный человека с моим положением, бестия? Поворачивайся, отнеси ему миноги и скажи несколько приличествующих случаю слов.

Р о с с о. Уж что-что, а сказать я сумею. Какая жалость, что это не меня послал султан к папе в качестве посла. Я сказал бы ему: светлейший, преподобнейший, превосходительнейший, ваше величество, ваше святейшество, ваше всемогущество и ваше преподобие — и так вплоть до *viro domino* я отвесил бы один поклон такой, а другой сякой.

П а р а б о л а н о. *Altaria fumant!* Сними с меня плащ и камзол и отнеси домой, наверх, а я пойду взгляну на лошадей и на сад.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Р о с с о, один, в плаще Параболано.

Р о с с о. Хочу посмотреть, хорош ли я в шелках. О, сколько бы я дал за зеркало, чтобы посмотреть, как я выгляжу в этой галантерее! В конце концов, наряды преобразают вешалки, и, если бы господа ходили в отрепьях, как наш брат, о, какими они казались бы нам обезьянами, какими бабуинами. Удивительно, почему они не запретят зеркал, чтобы не видеть своих подлых харь? Буду последним болваном, если у меня не поплачут его плащ и его деньги. Ведь высший долг — это огрбить синьора. А пока что разыграем этого рыбака, хозяина же добьем чем-нибудь покрупней. Я вижу, что он торгует рыбой и, по-моему, притворяется ловкачом. Посмотрим, не окажется ли он разиней.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Р о с с о, р ы б а к.

Р о с с о. Этот плащ меня сковывает. Привык ходить налегке, а сегодня приходится важничать. Нет, это не по мне. Что у тебя там, рыбак?

Р ы б а к. Что угодно вашей милости?

Р о с с о. Нет у тебя миног получше?

Р ы б а к. Лучших только что забрал экспедитор брата Мариано, чтобы подать их на ужин господам Моро, Брандино, Прото и Троя и всем прочим обжорам, что крутятся во дворце.

Р о с с о. С сегодняшнего дня всех миног, какие тебе попадутся, откладывай для меня. Я экспедитор нашего святейшества, и, если ты окажешься честным человеком, я сделаю тебя поставщиком двора.

Р ы б а к. Смиранный раб вашей милости, истинно говорю, можете во мне не сомневаться.

Р о с с о. Сколько ты за них хочешь?

Р ы б а к. Сколько будет угодно вашей милости.

Р о с с о. Все-таки?

Р ы б а к. Десять дукатов в карлинах. Больше или меньше — как будет угодно вашей милости.

Р о с с о. Восемь — цена преотличная.

Рыбак. Уж лучше пусть ваша милость примет их в дар. Пусть я человек бедный, зато душа у меня щедрая.

Росссо. Земля золота не унизит. Однако ты не заметил, привел ли мой слуга мула? Вот увидишь, он приведет буланого, который целых четыре часа не дает себя оседлать. Эдак я, пожалуй, и подохну, если не успею отправить тебя к шлюхам.

Рыбак. Пусть ваша милость не гневается, я сам отнесу рыбу, а мой малыш останется здесь и присмотрит.

Росссо. Сделай одолжение. Клянусь телом... если я его только застану в Борго, плохо ему придется. Пойдем, добрый человек!

Рыбак. Иду!

Росссо. Ты за кого? За Колонна или Орсини?

Рыбак. Я за того, кто побеждает Медичи!

Росссо. А родом откуда?

Рыбак. Родился во Флоренции, у ворот Пинти, и содержал харчевню в тупичке, но, на беду свою, проиграл, напоровшись на туза, который, сколько я ни умолял его назваться червонным, так и не пожелал меня слушать.

Росссо. Ха-ха! А зовут тебя как?

Рыбак. Фаченда, с вашего разрешения, и у меня три сестры в Борго к услугам и на радость вашей милости.

Росссо. Закажи себе пару штанов в цвет моего герба.

Рыбак. С меня достанет и внимания вашей милости, не извольте беспокоиться, вполне хватит.

Росссо. Вентура, наш дворецкий, живет у ворот Святого Петра; я прикажу, чтобы он тебе заплатил, ибо, по правде говоря, денег у меня с собой маловато. Обожди меня здесь, я это тебе мигом устрою.

Рыбак. Отпустите меня поскорей.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Росссо, один.

Росссо. Вот и полагайся на слуг! Я хоть палкой, а перережу ему горло. Грабитель, дармоед, предатель!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Россо и причетник из ризницы собора Св. Петра.

Россо. У этого бедняги, которого вы здесь видите, в харчевне «Луна» бесноватая супружница; десять здоровенных бесов разом в нее вселились, а посему прошу, ваше преподобие, ради Христа, совершите над ним нужный обряд. Но предупреждаю, ваша милость, что бедный малый и так уже наполовину спятил, так что осторожней.

Причетник. После того как поговорю со своим приятелем, я охотно помогу. Позовите его сюда.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Россо, рыбак, причетник.

Россо. Фаченда?

Рыбак. Я здесь. Что прикажете, ваша милость?

Причетник. После того как я поговорю с этим человеком, я отпущу тебя. Жди меня здесь.

Рыбак. Как прикажет ваша милость.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Россо, рыбак.

Россо. На тебе шесть юлиев, дай их в задаток портному. Когда буду в Риме, заплачу остальное.

Рыбак. И этого слишком много, ваша милость. Берите миноги, раз уж вы состоите при дворе его святейшества.

Россо. Давай их сюда. Придется тащить их самому и изображать слугу, раз уж мой слуга изображает хозяина. Прощай.

Рыбак. Послушайте, послушайте, синьор экспедитор, которую из штанин делать пестрой по вашему гербу?

Россо. Любую. Какую хочешь. Будь здоров.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Рыбак, один.

Рыбак. Ну и чудеса! Этот человек платит мне восемь скуди за то, что я с радостью отдал бы за четыре. Вот щедрый экспедитор! Ха-ха-ха! Разоделся в шелк и воображает, что он невесть какое сокровище! Но чего он там болтает с этим причетником? Его болтовне конца-краю нет, как дню без куска хлеба.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Рыбак, причетник.

Причетник. Ты что, оглох?

Рыбак. К вашим услугам, синьор.

Причетник. Прости, что заставил так долго ожидать.

Рыбак. Ничего. Чтобы услужить вам, я и до Парижа дошел бы.

Причетник. Хочу тебя утешить.

Рыбак. Куда милосердней помочь мне, чем посылать, например, ко Гробу Господню, ведь у меня и в самом деле пятеро ребятишек мал-мала меньше.

Причетник. Так сколько там у тебя?

Рыбак. Десять.

Причетник. Десять? Число не малое.

Рыбак. В наше время улов изрядный.

Причетник. Да, трудновато такое количество!

Рыбак. Да нет, ваше преподобие. Миноги — пища легкая.

Причетник. Бедняга, ты бредишь.

Рыбак. Как это — бредишь? Спросите любого врача!

Причетник. А появились эти бесы днем или ночью?

Рыбак. Шесть штук я поймал нынче ночью и четырех утром. И все руками, бесов этих я не боюсь. Заплатите мне, ваша милость. Я спешу.

Причетник. Твой отец тебя, конечно, проклял?

Рыбак. Уж так проклял, что оставил совсем нищим.

Причетник. Заставь прочитать обедню Святого Григория, и они в страхе разбегутся.

Рыбак. Какое, к черту, дело миногам до обедни Святого Григория? Заплатите мне сейчас же, иначе мне придется занести все это в Календарь.

Причетник. Хватайте его, преподобные отцы, держите его! Перекрестите его in adjutorium Altissimi.

Рыбак. Ай! Негодяи!

Причетник. Et homo factus est.

Рыбак. Ай! Содомиты!

Причетник. Кусаешься?

Рыбак. Кулаками, разбойники?

Причетник. Et in virtute tua salvum me fac. Asqua santa. Сюда!

Рыбак. Пустите меня, злодеи! Что я, бесноватый, а? Я — бесноватый?

Причетник. Не бойся, не ори, сейчас ты войдешь...

Рыбак. Разве что, как сказал Геркулес, к вам в задницу войду, бесстыдники этакие!

Причетник. In ignem aeternum.

Рыбак. Вы меня туда и повергнете, расстриги!

Причетник. Тащите его внутрь! Conculcabis leonem et draconem.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Параболано, один.

Параболано. Ни лошади, ни сады, ни какие иные наслаждения не могут изгнать из моего сердца обольстительного образа Ливии. Я дошел до того, что для меня пища — отравы, отдых — мучение, день — тьма, а ночь, которая, казалось, должна меня успокоить, терзает меня так, что я возненавидел самого себя, я жажду скорее умереть, чем жить в таком состоянии. Но вот мастер Андреа. Если он меня слышал, то непременно высмеет в какой-нибудь канцоне. Уж лучше отправлюсь домой.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Мастер Андреа, с книжкой в руке, Россо.

Мастер Андреа. Ха-ха! Я нашел себе развлечение. А вот и Россо. Как дела, приятель?

Россо. Ты смеешься, и я смеюсь. Ха-ха! Божественная шутка... Один рыбак... ха-ха!.. Расскажу на

досуге, сейчас спешу отнести эту одежду, видишь, у меня на руке, а заодно и эти миноги. Тот, кому они предназначаются, получит только половину, другую же я намереваюсь поглотить сам в наипочтеннейшем кабачке. Прощай!

М а с т е р А н д р е а. Будь здоров.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

М а с т е р А н д р е а, один.

М а с т е р А н д р е а. Я обещал найти покровителя для этого сиенца и сам согласился быть его наставником. Вот, принес ему книжку гаданий, она поможет мне сделать из него настоящего придворного. Ага! Тут-то мы за него и примемся, чтобы уже к августу он у нас стал совсем хорошим и исправным. Я втер бы очки и родному отцу, а не то что какому-то сиенцу, заметь я только, что отец вздумал сходить с ума. Ведь заплатить за лошадей тому, кто готов собственные мозги отправить на почтовых, — благодеяние не меньшее, чем очистить мир от доброй части монахов и попов, ибо стоит только башке распротиться со своими мозгами, как она тотчас же наполняется чинами, почестями и всевозможными сокровищами. Такой человек не поменялся бы положением даже с бывшим псарем Сарациной, и, приходя в восторг от любого поддакивания, он брезгует Градасьо, придворным карликом при Медичи. А потому, если мне удастся обработать безумие этого сиенского сопляка, он будет мне обязан не меньше, чем обладатели французской болезни обязаны индийскому древу. Я же вижу, что это за птица! Клянусь честью, я внесу его в синодик дураков, пусть его торжественно поминуют в честь и во славу этой страны, достойной своих цепей... чуть было не сказал — Сиены.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

М а с т е р А н д р е а, мессер Мако.

М а с т е р А н д р е а. Приветствую, сочувствую и тому подобное.

М е с с е р М а к о. Добрый день и добрый час. А где книжка?

М а с т е р А н д р е а. Вот она, к услугам вашей милости.

М е с с е р М а к о. Я не переживу, если вы сейчас же не дадите мне урока.

М а с т е р А н д р е а. Вы шутите.

М е с с е р М а к о. Напрасно вы меня оскорбляете.

М а с т е р А н д р е а. Разве я вас оскорбил, назвав шутником?

М е с с е р М а к о. Да, потому что я никогда не был шутником, ни я, ни кто-либо из моей родни. Так начнем же.

М а с т е р А н д р е а. Главное, что придворный должен уметь, — это сквернословить, быть азартным игроком, завистником, развратником, еретиком, льстецом, злоязычным, неблагодарным, невеждой, ослом; он должен уметь заговаривать зубы, изображать из себя нимфу и быть по необходимости то мужиком, то бабой.

М е с с е р М а к о. *Adagio, piano, fermo!* Что значит быть то мужиком, то бабой? Я этого шифра не понимаю.

М а с т е р А н д р е а. Это значит быть и мужем и женой попеременно.

М е с с е р М а к о. Кажется, я вас понял. Но как сделаться еретиком? Это, кажется, посложнее?

М а с т е р А н д р е а. Так слушайте.

М е с с е р М а к о. Я весь внимание.

М а с т е р А н д р е а. Когда вам кто-нибудь скажет, что при дворе существует доброта, скромность, любовь и совесть, вы должны ответить: «Не верю».

М е с с е р М а к о. Не верю.

М а с т е р А н д р е а. Отлично. А если кто станет убеждать, что грешно нарушать посты, вы ответите: «Плевать!»

М е с с е р М а к о. Плевать!

М а с т е р А н д р е а. Словом, если кто будет вам говорить о дворе хорошее, вы должны неизменно отвечать: «Вы лжец».

М е с с е р М а к о. Уж лучше я скажу: «Ты нагло врешь».

М а с т е р А н д р е а. Пожалуй, это будет понятней и короче.

М е с с е р М а к о. А почему, учитель, придворные сквернословят?

М а с т е р А н д р е а. Чтобы казаться многоопытными, а также из-за жестокости Акурсия и того, кто,

распределяя придворные должности, отдает доходные места негодяям, обижает хороших слуг и доводит придворных до такого отчаяния, что они готовы заявить: «Отрекаюсь от единого крещения».

Мессер Мако. А как сделаться невеждой?

Мастер Андреа. Оставаться скотом.

Мессер Мако. А завистником?

Мастер Андреа. Лопаться при виде чужого добра.

Мессер Мако. Как сделаться льстецом?

Мастер Андреа. Восхвалять любое свинство.

Мессер Мако. А как зубы заговаривать?

Мастер Андреа. Рассказывать чудеса.

Мессер Мако. А как изображать нимфу?

Мастер Андреа. Этому вас обучит любая придворная сволочь, из тех, что от обедни до обедни заставляют чистить свои плащи и пушистые кафтаны, словно церковную утварь, и проводят долгие часы перед зеркалом, завивая и напomaживая свои античные головки, и с петрарником в руках болтают по-тоскански, приговаривая: «Клянусь честью», «Ей-богу», «Целую ручки», воображая себя *totum continens*.

Мессер Мако. А как злословить?

Мастер Андреа. Говорить правду, чистую правду.

Мессер Мако. А как сделаться неблагодарным?

Мастер Андреа. Делать вид, что впервые видишь человека, оказавшего тебе услугу.

Мессер Мако. А ослом?

Мастер Андреа. Спросите любого, начиная с дворцовой лестницы. Для первого урока хватит, второй мы посвятим Кулизею.

Мессер Мако. Подождите! Что такое Кулизей?

Мастер Андреа. Сокровище и утешение Рима. Происходит же от латинского слова «*culum*», что значит «гузно», «задница», «афедрон» и так далее — на выбор.

Мессер Мако. Каким это образом?

Мастер Андреа. Завтра скажу. А потом перейдем к маэстро Паскуино.

Мессер Мако. Кто такой маэстро Паскуино?

Мастер Андреа. Некто, напустивший холода в штаны синьорам и монсеньорам.

Мессер Мако. Чем он занимается?

Мастер Андреа. Оттачивает стихи.

Мессер Мако. Я тоже пишу стихи и по-латыни и по-итальянски и знаю эпиграмму, меня прославляющую.

Мастер Андреа. Кто ее написал?

Мессер Мако. Хороший человек.

Мастер Андреа. А кто этот хороший человек?

Мессер Мако. Я сам.

Мастер Андреа. Так прочтите ее. Я хочу послушать.

Мессер Мако.

Hanc tua, Penelope musam meditaris avenam
Nil mihi rescribas nimium ne crede colori.
Cornua cum lunae recubans sub tegmine fagi
Tityre tu patulae lento tibi mittit he Ulysses.

Мастер Андреа. Караул! Караул! Грабят! Грабят!

Мессер Мако. Почему вы зовете на помощь?

Мастер Андреа. Потому что некий героический безумец у вас их спер.

Мессер Мако. Кто этот героический безумец?

Мастер Андреа. Способный человек, который в пушечной пальбе не уступит своему дворецкому. Однако продолжайте.

Мессер Мако.

Arma virum que cano vacinia nigra leguntur.
Italiam fato, numerum sine viribus uxor.
Omnia vincit amor, nobis ut carmina dicunt.
Sylvestrem tenui, et nos cedamus amorì.

Мастер Андреа. Надо их напечатать и озаглавить в болонском духе, я же предположу им жизнеописание автора, моего дорогого и бесценного друга.

Мессер Мако. Ago vobis gratia.

Мастер Андреа. А теперь домой, чтобы все наладить. Но где же ваш слуга?

Мессер Мако. Санезе — негодяй, а Грилло — человек порядочный. Прогоню Санезе к чертовой матери и возьму Грилло. Входите.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Р ы б а к, вырвавшийся на волю после побоев.

Р ы б а к. О, Рим-укротитель! О, вы все еще верите, что это рай земной? Дерьмо! И что за жестокости! Флорентийца водят за нос! Подумайте только, что они сделали бы с сиенцем? Я в бешенстве, я не нахожу себе места! Битых два часа они держали меня привязанным к столбу, как бесноватого, в окружении целой толпы. Они лупили меня, колотили, дробили мне кости! Один требовал, чтоб я стучал в дверь, другой — чтоб я тушил свечу. Сгнить бы вам заживо от дурной болезни! А теперь с Богом, вон отсюда! Наконец-то я понял, что такое Рим! И я, осел, дал себя обмануть! Но попадись мне только этот причетник и эти наглые монахи... клянись телом... клянись душой... я раскрою им морды, переломаю кости, выцарапаю глаза! Да будет проклят Рим! Прокляты все те, кто в нем живет, все, кто его любит, все, кто в него верит! И к пущему его позору скажу одно: я-то воображал, что он исправился после того, как Христос покарал его руками испанцев, а вместо этого он стал еще во сто крат гнуснее!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

К а п п а, один.

К а п п а. Кто не бывал в таверне — не знает, что это за рай. Мой добрый друг Россо сводил меня туда, и мы вдвоем уплели целых пять миног, и притом таких вкусных, что я почувствовал себя на седьмом небе. О святая, о чудотворная таверна! Святая, говорю я, ибо в ней нет ни горя, ни страдания, и чудотворная потому, что вертела вращаются там сами собой. И, уж конечно, добрые нравы и вежливость родились в тавернах, полных всяческих поклонов и полупоклонов, всяких «да, синьор» и «нет, синьор». Сам великий Турка не обслужен так, как посетитель таверны! Будь таверны рядом с парфюмерной лавкой, каждому казалось бы, что оттуда

несет, как от вонючки. О нежная, о сладкая, о божественная музыка, издаваемая вертелами, причудливо изукрашенными куропатками, дроздами и каплунами! О сколь ты целительна для моей души! Кто бы усомнился в том, что, не будь я всегда голоден, меня клонило бы ко сну под издаваемые тобою звуки? Конечно, великое блаженство заниматься любовными делами, но все же меньшее, чем просто сидеть в таверне. И вот по какой причине: в таверне нет слез, в таверне нет воздыханий, в таверне не мучает ревность. И если бы Цезарь, справлявший свои триумфы под здешними арками, которые можно видеть то здесь, то там, справлял их в выстроенных для этой цели тавернах, солдаты обожали бы его так, как я обожаю миноги. Я — если только память мне не изменяет — в жизни никогда не воевал, но ради одной миноги подрался бы насмерть с любым водопойцей. Я, к примеру, не завидую, когда какой-нибудь равный мне по положению наш брат стремянной огребает тысячу скудо, но скрежещу зубами, когда кровный враг мой пожирает миногу. Однако надо пойти потормозить портного, ибо завтра мой хозяин собирается вырядиться во все новое. Ох и болван же он!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мастер Андреа, мессер Мако.

Мастер Андреа. Вы настоящий паладин в этой одежде.

Мессер Мако. Не смешите меня, ей-богу, не смешите.

Мастер Андреа. Ваша милость хорошо запомнили мои наставления?

Мессер Мако. Всех могу изобразить, всех до одного.

Мастер Андреа. А ну-ка, изобразите герцога, как это делает любая сволочь, чтобы только показаться переодетым кардиналом.

Мессер Мако. Так? Закрыв лицо плащом?

Мастер Андреа. Именно так, синьор.

Мессер Мако. Ой! Вот я и поскользнулся, видно, еще не научился изображать герцога в темноте.

М а с т е р А н д р е а. Вставайте же, нескладный вы мой красавчик!

М е с с е р М а к о. Прикажите, чтобы мне прорезали два глазка в плаще, если хотите, чтобы я изображал герцога.

М а с т е р А н д р е а. А теперь: как отвечают знатым господам?

М е с с е р М а к о. «Да, синьор» и «нет, синьор».

М а с т е р А н д р е а. Галантно. А дамам?

М е с с е р М а к о. «Целую ручку».

М а с т е р А н д р е а. Отлично. А друзьям?

М е с с е р М а к о. «Да, клянусь честью».

М а с т е р А н д р е а. Мило. А прелатам?

М е с с е р М а к о. «Клянусь Богом».

М а с т е р А н д р е а. А как отдают приказания слугам?

М е с с е р М а к о. «Подай туфлю, принеси платье, оправь постель, убери спальню, иначе, клянусь телом...» — не скажу Господним, — «накостыляю тебе так, что ты прямым ходом на тот свет отправишься».

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г р и л л о, м е с с е р М а к о, м а с т е р А н д р е а.

Г р и л л о. Я вас слышал, хозяин. Мастер Андреа, попросите вы, чтобы меня отпустили подобра-поздорову, не хочу я связываться с этими грубыми скотами.

М е с с е р М а к о. Не беспокойся, Грилло, видишь, я же из сил выбиваюсь, чтобы научиться искусству быть придворным.

Г р и л л о. Отлегло.

М а с т е р А н д р е а. Ха-ха! Пойдемте посмотрим на Кампо-Санто, на обелиск, на Святого Петра, на шишку, на банк, на башню ди Нона.

М е с с е р М а к о. А эта башня когда-нибудь звонит к вечерне?

М а с т е р А н д р е а. Да, стоит потянуть за веревку.

М е с с е р М а к о. Вот так хреновина!

М а с т е р А н д р е а. А потом пойдем по мосту Сикста и по всем римским бардакам.

М е с с е р М а к о. А есть тут бардак для всего Рима?

М а с т е р А н д р е а. Рим — это сплошной бардак, как, впрочем, и вся Италия.

М е с с е р М а к о. А это что за церковь?

М а с т е р А н д р е а. Святого Петра, входите с благоговением.

М е с с е р М а к о. *Laudamus te, benedicimus te.*

М а с т е р А н д р е а. А, теперь понятно.

М е с с е р М а к о. *Et in terra pax bonae voluntatis.* Я вхожу, идемте, мастер! *Osanna in excelsis.*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Р о с с о, один.

Р о с с о. События гонятся за мной, как гонятся волдыри и болячки за всяким, кто свяжется с Беатриче. Я не говорю о тех десяти скудо, которые я получил вперед, или о миногах, которые я выманил у рыбака, — все это пустяки. Но вот, по милости Божьей и в награду за мое примерное поведение, мне выпала такая счастливая доля, что я не поменялся бы и с любым епископом. Синьор, мой хозяин, влюблен, и тайну этой любви хранит куда строже, чем свои деньги. Судя по тому, как он разговаривает сам с собой, как он вздыхает и впадает в задумчивость, я вот уже несколько дней как догадался, что Купидон анатомирует его сердце, и я уже дважды или трижды открывал рот, чтобы спросить: «Что с вами, хозяин?» — однако смолчал. И что же случилось? Нынче ночью, рыская по всему дому — ведь я по предприимчивости не уступлю любому бродячему монаху, — я приложил ухо к замочной скважине хозяйской спальни и, стоя в таком положении, услышал, как он приговаривает во сне, воображая, будто у него с подругой уже завязалась схватка: «Ливия, я умираю, Ливия, я горю, Ливия, я томлюсь», и, бесконечно причитая, предлагает ей свои самые что ни на есть скотские услуги. А затем, вдруг переменив тему, бормочет: «О Луцио, как ты счастлив, что можешь наслаждаться самой красивой женщиной на свете». Потом снова, вернувшись к Ливии, он произносит: «Душа моя, сердце мое, кровь моя дорогая, сладкая моя надежда», и прочее, а засим я услышал превеликое постельное борение и даже подумал, что вся венгерская рать перешла в наступле-

ние. Прослушав всю эту канитель, я вернулся на свою кровать и все слышанное переваривал в своем котелке, обдумывая способ разыграть его так, чтобы разом получить от него все, что мне заблагорассудится. Но потом эта затея совсем было вылетела у меня из головы, пока я был занят своими развлечениями, подшучивая над рыбаком, и вместе с Каппой поедал миноги в препочтеннейшей таверне. Однако и к делу пора: пойду-ка я к Альвидже, готовой совратить само целомудрие, ибо без нее ничего не сделаешь, и, следуя ее указаниям, примусь за доброе дело — прикончу моего хозяина, этого матерого осла и архихренового мерзавца. Нынешние трусливые знатные господа Бог весть что о себе воображают, полагая, что в них влюблены разные там герцогини да королевы. А потому мне легче будет его обмануть, чем оказаться неудачником при дворе. А теперь скорей к Альвидже. О, вот это будет праздник!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

П а р а б о л а н о, один.

П а р а б о л а н о. И все-таки на этом свете — странное безумие. Когда я был в ничтожестве, мысль о том, что я могу подняться выше, меня всегда прищипывала, теперь же, когда я вправе назвать себя счастливецом, меня томит неведомая лихорадка, которой ни камни, ни травы, ни наговоры побороть не в силах. О Амур! Где пределы твоей власти? Природа, без сомнения, позавидовала покою смертных, когда создала тебя, неизлечимый недуг людей и богов. И что толку дружить с тобой, о Фортуна, если Амур завладел моим сердцем, которое благодаря тебе обреталось на небе, ныне же повергнуто в бездну? И что же мне теперь делать, как не плакать и не вздыхать?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ф л а м м и н и о, Семпронио.

Ф л а м м и н и о. А зачем устраивать Камилло при дворе?

С е м п р о н и о. С тем чтобы он обучился добродете-

лям и добрым нравам и таким образом мог приобрести выгодную для себя репутацию.

Ф л а м м и н и о. Добрые нравы и добродетель? И это при дворе? Хо-хо!

С е м п р о н и о. В мое время добродетели и добрые нравы встречались только при дворе.

Ф л а м м и н и о. В наше время и ослы обучались в школах. Вы старики, вы следуете правилам старого времени, а мы живем в новое время, черт возьми!

С е м п р о н и о. Что я слышу, Фламминиио?

Ф л а м м и н и о. Новое Евангелие, Семпронио.

С е м п р о н и о. Неужели же мир так скоро испортился?

Ф л а м м и н и о. Мир пришел к заключению, что легче стать дурным, чем хорошим, потому он и есть такой, как я вам говорю.

С е м п р о н и о. Для меня это новость. Я как с неба свалился.

Ф л а м м и н и о. Если хотите себе уяснить, в чем дело, расскажите мне, чем хорошо было ваше время, а я расскажу, хотя бы частично, чем плохо мое, ибо рассказать об этом целиком — задача невыполнимая.

С е м п р о н и о. По рукам! В мое время, едва только человек приезжал в Рим, он сразу же находил себе покровителя, и в соответствии с его возрастом, положением и желаниями ему давали службу, отдельную комнату, постель, слугу, даровую лошадь, оплачивали прачку, цирюльника, врача, лекарства, одежду один или два раза в год, а свободные доходы честно делились поровну так, что среди слуг никаких жалоб не было слышно. А если кто прилежал к словесности или к музыке, учитель ему оплачивался.

Ф л а м м и н и о. А еще?

С е м п р о н и о. В совместной жизни было столько любви и столько щедрости, что ни о каком неравенстве между людьми разного происхождения не могло быть и речи, казалось даже, что все родились от одного отца и от одной матери, и каждый радовался добру своего товарища, как своему собственному. Во время болезни один обслуживал другого, как это делается в монашеских орденах.

Ф л а м м и н и о. Что еще можно сказать?

С е м п р о н и о. Многое. Что такое любовь к ближнему и добрые нравы, я знаю, хотя и служил при дворе.

Ф л а м м и н и о. Теперь выслушайте мои доводы. Вы, придворный папы Джанни. В нынешнее время в Рим приезжает человек, исполненный всяческих достоинств, какие только можно пожелать от того, кто собирается служить при дворе, но, прежде чем его допустят до людского пира, ему приходится перевернуть вверх дном чуть ли не самый рай. В мое время дают одного слугу на двоих, а между тем возможно ли, чтобы половина человека обслуживала целого? В мое время пятеро или шестеро живут в одной комнате длиной в десять футов и шириной в восемь, а кому неохота спать на полу, тот покупает или берет себе напрокат кровать. В мое время лошади превращаются в верблюдов, если не заплатить за овес и сено из собственного кармана. В мое время приходится продавать домашний скarb, чтобы одеться, а сами знаете — когда нет ничего своего, то и философия ходит нищей и раздетой. В мое время, если человек, даже состоящий на службе, заболевает, то поместить его в больницу Санто Спирито — значит оказать ему величайшее благодеяние. В мое время нашему брату приходится оплачивать и прачку и цирюльника. А свободные доходы раздаются тем, кто никогда и не был при дворе, или делятся на столько мелких долей, что на одного человека приходится не больше одного дуката, и мы были бы счастливее самого папы, когда бы нам не приходилось спорить и об этом дукате в течение чуть ли не десятка лет. В мое время не только не оплачивают учителей тому, кто хочет чему-нибудь научиться, но, как лютого врага, преследуют всякого, кто учится на собственный счет, ибо нынешние господа не терпят при себе людей более ученых, чем они сами. В мое время мы все готовы сожрать друг друга и, деля между собой все тот же хлеб и все то же вино, питаем друг к другу такую ненависть, какой изгнанник не питает к тому, кто не выпускает его домой.

С е м п р о н и о. Если все это так, то Камилло останется со мной.

Ф л а м м и н и о. И пусть остается, если только вы не хотите отправить его ко двору, с тем чтобы он стал вором.

С е м п р о н и о. Как это — вором?

Ф л а м м и н и о. Вор — это нечто очень древнее. Ведь наименьшим воровством, которое совершил двор, было похищение двадцати трех лет жизни у такого отмен-

нейшего дворянина, каким был мессер Вичченцио Бовио, состарившийся при дворе и получивший в награду за всю свою долголетнюю службу лишь два траурных мундира по случаю чьих-то похорон. А если кто усомнится в его благородстве, пусть вспомнит, — что Бовио от хозяев не получил ничего, ибо повышения получают только невежды, плебеи, паразиты и развратники. Но ведь за воров следует предатель. Чего же проще? Хватит один раз расшаркаться перед теми, кого уже ничем не исправишь, чтобы получить прощение за любое убийство.

С е м п р о н и о. Ну а еще что?

Ф л а м м и н и о. Жестокость двора поистине непостижима. Можно подумать, что при дворе нет иных желаний, кроме того, чтобы один или другой отправился на тот свет. И если все же случайно уцелеет кто-то, чье имущество ты себе уже присвоил, ты испытываешь все рези в животе, все боли в боку, все ознобы, которые испытывала твоя жертва, чьи доходы ты облюбовал. Что может быть хуже, как мечтать о смерти того, кто никогда тебя не обижал?

С е м п р о н и о. Истинная правда.

Ф л а м м и н и о. Только послушайте. Наши хозяева решили принимать пищу только один раз в день, ссылаясь на то, что две трапезы их якобы убивают; и, прикидываясь, будто закусывают со всеми только по вечерам, они в одиночку нажираются у себя в комнате. И делают они это не столько для того, чтобы казаться воздержанными, сколько для того, чтобы отвадить какого-нибудь виртуоза, который кормится за их столом.

С е м п р о н и о. Однако ведь о Медичи рассказывают чудеса.

Ф л а м м и н и о. Одна ласточка еще не делает весны.

С е м п р о н и о. Так-то оно так.

Ф л а м м и н и о. Или можно и в самом деле подохнуть от смеха, когда они тайком у себя запираются под предлогом научных занятий. Ха-ха-ха!

С е м п р о н и о. Почему ты хохочешь?

Ф л а м м и н и о. Да потому, что, заседаая в составе представителей обоих полов, они заставляют какую-нибудь девчонку и какого-нибудь парнишку, весьма нежного и приятного, читать им философию. Однако лучше посудачим о великолепии их трапез. Повар кардинала Понцетта, приготовляя яичницу из трех яиц на

две персоны, клал эти яйца, чтобы их казалось больше, под пресс, в котором зажимают складки на поповских шапочках, а когда он распускал их на сковородках, более сальных, чем ворот ризы распутного Юлиана, ветер их подхватывал и носил по воздуху, пока они не опускались на головы присутствующих наподобие диадем.

С е м п р о н и о. Ай-ай-ай!

Ф л а м м и н и о. Экспедитор Мальфетты — того самого расточительного прелата, который, умирая с голоду, завещал папе Льву столько тысяч дукатов, — истратил лишний байокко на покупку налима, и преподобный монсеньор хотел было заставить его отнести рыбу обратно; тогда экспедитор договорился со всеми домашними купить этого налима в складчину. Когда налива изжарили и поставили на стол, чтобы сообща насладиться, епископ, услышав вкусный запах, прибежал и сказал: «Вот мой взнос, дайте и мне поесть».

С е м п р о н и о. Ха-ха-ха!

Ф л а м м и н и о. Я слышал — это не мои слова, — что настоятель Санта Мария ин Портико отмерял суп своим слугам столовыми ложками и отсчитывал им куски хлеба, выдавая столько-то по скоромным и столько по постным дням.

С е м п р о н и о. Ха-ха-ха!

Ф л а м м и н и о. Да! Чуть не забыл: в ваше время хозяевами в доме были мужчины, а в наше — женщины.

С е м п р о н и о. Как это — женщины?

Ф л а м м и н и о. Да, мессер, женщины! В одном доме — не хочу говорить в каком — рассказывают, что матери уж не знаю каких кардиналов разбавляют вино водой, платят жалованье, прогоняют слуг — словом, делают все. А когда их преподобнейшие сыночки позволяют себе излишества в совокуплении или в еде, они их одергивают, как цепных псов. А мать одного знатного прелата получает доходы своего монсеньора и отпускает ему столько-то в месяц на прожитие.

С е м п р о н и о. Иди себе с Богом! Мне все ясно. В такие времена лучше находиться в аду, чем при дворе.

Ф л а м м и н и о. Тысячу раз лучше, ибо в аду мучениям подвергается душа, а при дворе — и душа и тело.

С е м п р о н и о. Мы еще поговорим. Но я твердо решил скорее собственными руками задушить Камилло, чем отдать его ко двору. А теперь схожу в банк Агостино Киджи за своим жалованьем. Прощай.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Россо, Альвиджа.

Россо. Куда спешишь?

Альвиджа. Туда, сюда... места себе не нахожу.

Россо. Как? Женщина управляет всем Римом и не находит себе места?

Альвиджа. Дело в том, что моя наставница...

Россо. Что случилось с твоей наставницей?

Альвиджа. Ее сжигают.

Россо. Как это, черт возьми, сжигают?

Альвиджа. Увы! Сжигают бедняжку!

Россо. А что она натворила?

Альвиджа. Ничего.

Россо. Значит, людей сжигают ни за что?

Альвиджа. Капелька яду, которую она дала куму ради кумы, стала причиной тому, что Рим теряет такую старуху.

Россо. Люди не понимают шуток.

Альвиджа. Она, как это принято, приказала утопить в реке маленькую девочку, которую родила одна ее знакомая дама.

Россо. Сказки!

Альвиджа. Она свернула шею одному проклятому ревнивцу, разбросав по лестнице какие-то корки.

Россо. Я не дал бы и ломаного гроша за такие шуточки.

Альвиджа. Ты человек прямой, честный, и тебе я могу довериться: она оставляет меня наследницей всего своего имущества.

Россо. Это мне нравится. Но что она тебе оставляет, если не секрет?

Альвиджа. Колбы для перегонки трав, собранных в новолунье, растворы для удаления веснушек, мази для удаления родимых пятен, пузырек со слезами влюбленных, масло для воскрешения... не хотелось бы говорить чего.

Россо. Говори, ведьма!

Альвиджа. Плоти.

Россо. Какой плоти?

Альвиджа. Той, что сидит в... Ты меня понимаешь?

Россо. В гульфике?

А л ь в и д ж а. Да.

Р о с с о. Ха-ха!

А л ь в и д ж а. Она мне оставляет повязки для подтягивания отвислых грудей, оставляет мне снадобье для зачатия и против зачатия, оставляет мне флакон девственной мочи.

Р о с с о. А что делают с этой мочой?

А л ь в и д ж а. Ее пьют натошак через матку, и она очень хороша при месячных. Оставляет мне пергамент из шкуры нерожденного ягненка, веревку невинно повешенного, порошок для убийства ревнивцев, наговоры, чтобы сводить с ума, заклятия для усыпления и рецепты для омоложения. Оставляет мне духа, заключенного...

Р о с с о. Где?

А л ь в и д ж а. В урыльнике.

Р о с с о. Ха-ха!

А л ь в и д ж а. Что ты хочешь сказать этими «ха-ха!», болван? В урыльнике, да, в урыльнике, и это домовой, который помогает отыскать ворованное, сообщает, любит ли тебя твоя милая или нет, и зовут его Фоллетто. И еще оставила она мне мазь, переносящую по воде и по воздуху к ореховому дереву в Беневенте.

Р о с с о. Да зачтется ей на том свете все то, что она тебе оставила.

А л ь в и д ж а. Дай-то Бог!

Р о с с о. Не плачь. Слезами ее не воротишь.

А л ь в и д ж а. Уж очень мне ее жаль, Россо! Ведь как вспомню, что все, вплоть до последнего крестьянина, радовались ей при встрече, у меня сердце разрывается! Да что говорить, старуха была редкостная. Помню, к примеру, как она, не отрываясь от кувшина, выпила в «Павлине» чуть ли не шесть сортов разного вина. Ну кто бы ее осудил за это?

Р о с с о. Да благословит ее Господь за то, что она не была из тех привередниц, которые чуть что уже морщат нос.

А л ь в и д ж а. Никогда, никогда еще не было старухи более неумной, напористой и неутомимой.

Р о с с о. Ну?

А л ь в и д ж а. У мясника, у колбасника, на рынке, у плиты, на реке, в бане, на ярмарке, на мосту Святой Марии, на посту Куаттро-Капре и на мосту Сикста —

всюду и всегда последнее слово оставалось за ней. Стражники, кабатчики, грузчики, повара, монахи и все на свете считали ее Соломонидой, Сивиллой, живой хроникой. Как дракон, рыскала она между виселицами, вырывая глаза у повешенных, и, как воительница, носилась по кладбищам, вырывая ногти у мертвецов в глухой полночный час.

Р о с с о. И все же смерть затребовала ее к себе.

А л ь в и д ж а. И какая же была совестливая! В канун Духова дня она не вкушала мяса. В канун Рождества она постилась хлебом и вином, а в Великий пост, если не считать нескольких съедаемых ею сырых яиц, она вела себя как отшельница.

Р о с с о. Словом, тут, в Риме, что ни день, то вешают и жгут, и от этого не убережется ни один порядочный человек, будь он мужчиной или женщиной.

А л ь в и д ж а. Ты говоришь мерзости, но ты говоришь правду.

Р о с с о. Еще полбеды, если бы ей обкорнали только уши и заклеямили лоб.

А л ь в и д ж а. Еще бы! Это было бы терпимо, как, впрочем, и ношение митры, которую три года назад она напялила в день Святого Петра мученика. Мало того, она уселась в этой самой митре не в повозку, а на осла, чтобы соседи не говорили, что она тщеславна.

Р о с с о. Смирившийся да возвысится!

А л ь в и д ж а. Бедняжка! Она была нареченной сестрой «Служителей доброго вина», которых четвертовали один Бог ведает за что.

Р о с с о. Еще одна великая подлость.

А л ь в и д ж а. Поистине так.

Р о с с о. Оставим, однако, эти вопиющие несправедливости и поговорим о более веселом. Ведь если бы ты только захотела приложить руку, мы с тобой мигом выбрались бы из болота. Мой хозяин совсем извелся по Ливии, жене Луцио.

А л ь в и д ж а. Плевал бы он с высокого дерева.

Р о с с о. Но любовь свою он скрывает. И признался лишь случайно.

А л ь в и д ж а. Каким образом?

Р о с с о. Во сне.

А л ь в и д ж а. Ха-ха! И что же из того?

Р о с с о. Притворившись, будто мне ничего не известно, я хочу дать ему понять, что Ливия как кошка

в него влюбилась, что ей пришлось довериться тебе и что ты ее кормилица.

А л ь в и д ж а. Поняла. Можешь не продолжать. Пойдем ко мне и заставим ее добиться своего.

Р о с с о. Сейчас ты мне нужней, чем нужник человеку, принявшему слабительное.

А л ь в и д ж а. Входи же, черт!

Р о с с о. Только один поцелуй, королева из королев!

А л ь в и д ж а. Оставь меня, проказник!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мессер Мако и мастер Андреа, ~~в~~ыходящие из собора
Св. Петра.

Мессер Мако. Где растут такие огромные бронзовые шишки?

Мастер Андреа. В Равенне, в пиниевых лесах.

Мессер Мако. А из чего сделана эта ладья с тонущими святыми?

Мастер Андреа. Из мозаики.

Мессер Мако. А где изготавливаются эти обелиски?

Мастер Андреа. В городе Пизе.

Мессер Мако. А вон на том кладбище много мертвецов? Что это значит?

Мастер Андреа. Не знаю.

Мессер Мако. До чего же мне пить захотелось!

Мастер Андреа. Слава тебе Господи! Вы словно подслушали мою мысль.

Мессер Мако. Venite, adoremus.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Параболано, один.

Параболано. Молчать? Признаться? Молчание для меня — смерть, признание — ее презрение, ведь если я напишу ей, как я ее люблю, она может счесть для себя унижительным быть любимой человеком столь низкого происхождения; если же я умолчу о своем пламени, то моя потаенная страсть в конце концов испепелит меня.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Валерио и синьор Параболано.

Валерио. Я стараюсь узнать причину вашей тоски не для того, чтобы корчить из себя светского придворного, но чтобы выполнить долг верного слуги и добыть для вас лекарство ценой хотя собственной моей крови.

Параболано. Это ты, Валерио?

Валерио. Да, это я. Заметив, что Амур делает из вас то, что он обычно делает из всякого благородного существа, хочу узнать все, дабы своей преданностью быть полезным любим вашим желаниям.

Параболано. Нет, дело не в Амуре.

Валерио. Если не в Амуре, то почему же скрывать это от меня, которому ваше благополучие дороже зеницы ока? А если это Амур, то ужели же вы настолько малодушны, что не решаетесь насладиться женщиной? И что должны были бы делать те, кто любит, но лишен всех тех благ, которыми вы так щедро одарены?

Параболано. Если бы бальзам мудрых речей излечивал чужие язвы, то мои ты давно бы уже затянул.

Валерио. Эх, дорогой мой синьор, стряхните с себя столь странное заблуждение и впредь в ущерб себе не утешайте тех, кто так завидует вашему положению. Подумайте: если разнесется слух о снедающей вас тоске, какая от этого будет радость вашим друзьям? Какой прибыток вашим слугам? Какая слава для вашей родины?

Параболано. Ну, допустим, я влюблен, какое же ты мог бы предложить мне лекарство?

Валерио. Нашел бы сводню.

Параболано. А потом?

Валерио. Через нее послал бы письмо той, которую вы так страстно любите.

Параболано. А если она отвергнет мое письмо?

Валерио. Женщины не отвергают ни писем, ни подарков.

Параболано. Что же ты посоветовал бы написать?

Валерио. То, что подскажет Амур.

Параболано. А если она плохо примет?

В а л е р и о. Плохо? О, таких уж больше не бывает. Было время, когда мужчины мучились чуть ли не десятками лет, чтобы только выманить у них словечко! А чтобы заставить их принять письмо, приходилось прибегать чуть ли не к некромантам, и, наконец, когда все уже было как будто слажено, надо было еще непременно повиснуть на какой-нибудь крыше, с риском сломать себе шею, или же в самый разгар зимней стужи просидеть день и полночи в каком-нибудь холоднящем подвале или под стогом сена, в то время когда весь мир пылал от зноя. И при этом достаточно было, чтобы кто-нибудь споткнулся, чтобы у кого-нибудь забурчало в животе, чтобы пробежала кошка, достаточно было любого шороха — и все твои надежды повергались в прах. Но куда я задевал веревочные лестницы? У меня волосы дыбом встают при одной мысли о той бездне, которая разверзается перед тем, кто по ним лазает.

П а р а б о л а н о. Что ты хочешь этим сказать?

В а л е р и о. Хочу сказать, что в наше время входят через дверь и средь бела дня и влюбленным женщинам так везет, что собственные их мужья готовы о них позаботиться. А так как войны, мор, голод и дух времени склоняют людей к тому, чтобы как-нибудь, но доставить себе наслаждение, то вот вся Италия искурвилась настолько, что двоюродные братья и сестры, зятья и невестки, родные братья и родные сестры спариваются как попало, без стыда и зазрения совести. И если бы не стыд, я перечислил бы вам столько имен, сколько у меня волос на голове. Таким образом, синьор, не впадайте в отчаяние, ибо куда скорее можете рассчитывать на удовлетворение своих желаний, чем «Бич государей» на милость генерала имперских войск в Италии.

П а р а б о л а н о. Та уверенность, которую ты мне придаешь, нисколько не умаляет моих страданий.

В а л е р и о. Да ну же! Воскресите в себе ту смелость, которая всегда направляла ваши стопы в самых трудных предприятиях. Пойдемте домой и обдумаем способ, как послать письмо, и, быть может, я сумею связать четыре строки любовных слов к вящей пользе для вас.

П а р а б о л а н о. Идем, ибо ни дома, ни вне его я все равно не нахожу успокоения.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

М а с т е р А н д р е а , о д и н .

М а с т е р А н д р е а . Распивая вино, мессер Балда влюбился в Камиллу-пизанку, случайно углядев ее в окне спальни. Это тот случай, когда Купидон превращается в ученого, то есть в болвана. Сама богиня слез расхохоталась бы, когда бы услышала, как он читает свои стихи. По стилю он вылитый аббат из Гаэты, венчанный на Слоне; он сочинил несколько стихотворений, сотканых сплошь из ворованных строчек. В сравнении с ним и Чинотто, и Касио из Болоньи, и преподобный Марко из Лоди — Вергилии и Гомеры. Если не верите, почитайте его письмо в прозе. Интересно, что этот тупица пишет синьоре Камилле.

ПИСЬМО МЕССЕРА МАКО

«*Salve, regina*, сжался надо мной! Ибо ваши благоуханные очи и ваше беломраморное чело, источающее медоточивую манну, убивают меня настолько, что золото и перлы то здесь, то там отвлекают меня от моей любви к вашей особе. И никогда не увидишь таких изумрудных щечек и молочно-пурпурных кудрей, резво играющих с вашей грудью, в коей обитают два сосочка наподобие двух брюквочек, вправленных в гармоничные дыньки. Ради вас я собираюсь сделаться придворным и кардиналом. Итак, найдите время и укажите место, где бы я мог изложить вам муки своего сердца, которое жаждет блаженства в жидких хрусталях вашего марципанного ротика, *et fiat voluntas tua*, ибо *omnia vincit amor*.

Ведь Мако умирает из-за вас —
Так смилуйтесь над ним. Хотя бы раз!»

От этих слов может стошнить даже самого неразборчивого монаха. А что за подпись! Неужто Господь Бог повелел, чтобы все в мире перевернулось вверх дном? Кто бы когда поверил, что из добропорядочного, благородного, учтивого и полного даровитых людей города Сиены могла выйти этакая скотина, как мессер Мако? Сердце разрывается от мысли, что он родом из столь

великолепного города. Оставим в стороне знаменитых людей, кои в нем были и есть. Довольно и того, что обе сиенские академии — «Ла Гранде» и «Л'Интронати» — украсили собой итальянскую поэзию и облагородили итальянский язык. Еще вчера я был поражен тем, что рассказывал об этом Якопо Этерно, сочетающий в себе владение греческой, латинской и родной словесностью с величайшей добротой. Но кретины всюду бывают, и даже худшей пробы, чем этот мессер «Колупай улиток», который решил канонизироваться в звании шута. А вот вам и он.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Мессер Мако и мастер Андреа.

Мессер Мако. С кем это вы беседовали, учитель?

Мастер Андреа. С вашими хреновинами.

Мессер Мако. С моими поэмами?

Мастер Андреа. Вы угадали.

Мессер Мако. Что же вы о них думаете?

Мастер Андреа. *Soecus non judicat de coloris.*

Мессер Мако. Передайте еще и этот маленький страмботто. Прочтите его вслух.

Мастер Андреа. Охотно.

О звездочка и ангел заодно,
Упрямица с восточными чертами,
Я из-за вас как в гавани судно,
Я сплю под ураганами ночами.
Из Франции пришла твоя краса,
Когда Иуды на земле не стало.
Я так влюблен, что рад придворным стать,
Но мне одно осталось — уповать.

Мессер Мако. Ну как?

Мастер Андреа. О, дивные стихи — мелодичные, насыщенные, наставительные, сладкозвучные, стихи тонкие, стихи ученые, стихи нежные, стихи прелестные, стихи ясные, стихи чистые, стихи приятные, стихи необъятные, стихи божественные. Больше эпитетов не подыщу!

Мессер Мако. Стихи поразительные, не правда ли?

Мастер Андреа. Поразительные, восхитительные, исступительные! Но в них есть ошибка.

Мессер Мако. Какая? Корабль в порте?

Мастер Андреа. Да. Это уж не по-латыни ли?

Мессер Мако. Нет, простая поэтическая вольность. Дальше?

Мастер Андреа. Вы хотели сказать, что по сбруе о лошадях не судят?

Мессер Мако. Да, учитель. А теперь можете удалиться, ибо я ухожу.

Мастер Андреа. Да он спятил куда больше, чем я предполагал.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Мастер Андреа, один.

Мастер Андреа. Я держусь того мнения, что этот человек станет всеобщим любимцем при здешнем дворе, ибо он не просто хрен, но хрен порфиноносный, не просто дурак, но дурак атласный и не просто болван, но болван на все двадцать четыре карата. И сколь мудр был Джаноццо Пандольфини, когда заявил во всеуслышание: «Как счастлив я, что меня перед папой Львом восхваляли за шутовство», желая этим сказать, что с сильными мира сего необходимо быть шутом, изображать шута и жить как шут. Это отлично понимал и мессер доктор Джиминьяно из Модены, который, чтобы выиграть в Мантуе тяжбу в пользу некоего Джаннино из Корреджо — а тяжба эта была настолько же справедлива, насколько доктор был опытным законником, — стал перед герцогом жонглировать дротиком. Признаемся же наконец, что нельзя нанести знатному синьору большей обиды, чем обхаживать его, притворяясь мудрецом. Однако вернемся к нашему поэту. Прежде чем сделаться кардиналом, согласно данному обету, он еще прокатится на верблюде, ибо слон, которого обучал Джамбатиста д'Аквила, в свое время золотых дел мастер, а потом папский камергер, по рекомендации невестки et cetera, давно уже приказал долго жить. Пока

же мне предстоит раздобыть Дзоппино и отправить его к мессеру Мако в качестве посланца от синьоры, который отблагодарит его за чудесное письмо и за неслыханное страмботто.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Р о с с о, один.

Р о с с о, Альвиджа-то какова? А? С ней держи ухо востро! О! Ее не проведешь, и она смелей самого Дезидерия, который смеялся, пока его терзали клещами. Благо, она сказала бы: «Не хочу, не могу», или: «Боюсь, как бы чего не вышло, если мы предадим такую важную особу». Она все смекнула еще прежде, чем я ей открыл, в чем дело. Умная бестия! Сразу же направила меня по верному пути. Сама она поговорит с синьором, якобы по поручению Ливии. А вот и Параболано. О, да на нем лица нет! Он похож на человека, который подыхает от голода и стыдится пожрать на людях. Да пошлет вам Господь успокоение!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

П а р а б о л а н о, Р о с с о.

П а р а б о л а н о. Только смерть может меня успокоить, смерть, которая по природе своей подобна женщинам — бежит от того, кто ее зовет, и преследует того, кто от нее бежит.

Р о с с о. Не отчаивайтесь.

П а р а б о л а н о. Нет, Россо. Я хочу отчаиваться, и дай Бог, чтобы я мог поменяться с тобой местами.

Р о с с о. О Господи, ты слышишь? И почему бы тебе не оказать нам этой милости?

П а р а б о л а н о. Ты этого не пожелал бы, если бы испытывал то, что испытываю я.

Р о с с о. Ах, пустые слова, хозяин!

П а р а б о л а н о. О, если бы это было так.

Р о с с о. Однако не впадайте в уныние. Сейчас я вам скажу такое, что способно утешить не только вас, но даже слугу священника.

П а р а б о л а н о. О, горе, горе!

Р о с с о. А ну-ка, давайте займемся делами придворными. Быть может, они вас хоть немного рассеют. Вот вы уже начинаете немного улыбаться. Прислушайтесь к моим словам. Одна особа, самая благородная, самая богатая и самая красивая на этом свете — а это важнее всего, — сохнет по вашей милости, и, боясь умереть, она поведала о своей любви кормилице, а кормилица из жалости к ней поведала об этом мне.

П а р а б о л а н о. Коли так, скажи мне ее имя.

Р о с с о. Вам придется отгадать.

П а р а б о л а н о. Ее имя начинается с буквы «А»?

Р о с с о. Нет, синьор.

П а р а б о л а н о. С «Г»?

Р о с с о. Не угадали.

П а р а б о л а н о. С «Н»?

Р о с с о. Вы чуть-чуть было не попали в точку.

П а р а б о л а н о. С «С»?

Р о с с о. Ну нет, это уже далеко.

П а р а б о л а н о. С буквы «В»?

Р о с с о. Делайте, как я скажу.

П а р а б о л а н о. Да говори же!

Р о с с о. Вы азбуку знаете?

П а р а б о л а н о. Слава Богу!

Р о с с о. Это чудо.

П а р а б о л а н о. Почему?

Р о с с о. Потому что господа обычно не забавляются такими учениями. А теперь читайте азбуку, и, когда дойдете до той буквы, с которой начинается ее имя, я вам скажу, иначе я его никогда не вспомню. Начинайте.

П а р а б о л а н о. А, б, в, г, д, е, ж... Какая-нибудь из этих?

Р о с с о. Продолжайте.

П а р а б о л а н о. На какой букве я остановился?

Р о с с о. Не помню. Начинайте с начала.

П а р а б о л а н о. А, б, в, г, д, е, ж, з, и, к...

Р о с с о. Тише, сейчас будет. Продолжайте.

П а р а б о л а н о. М, н, о...

Р о с с о. А куда девалось «л»?

П а р а б о л а н о. Ах! Россо — божественный, небесный, бессмертный!

Р о с с о. Этак вы сочините целую книгу в мою честь.

П а р а б о л а н о. Моя Ливия!

Р о с с о. Так вам кажется, что я ее знаю?

П а р а б о л а н о. Где я?

Р о с с о. В Эмаусе.

П а р а б о л а н о. Мне это снится?

Р о с с о. Да, вам снится, что вы вызволили меня из людской.

П а р а б о л а н о. Идем домой, уважаемый Россо.

Р о с с о. Еще совсем недавно я был предателем.

П а р а б о л а н о. Ты ошибаешься.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

М а с т е р А н д р е а, Д з о п п и н о.

М а с т е р А н д р е а. С тех пор как существуют шутки, более забавной еще не бывало.

Д з о п п и н о. Я ему скажу, что синьора Камилла посылает меня к нему и что, если бы не дон Диего ди Лайнио, который из ревности держит ее взаперти, он мог бы к ней явиться и в своей одежде, но по названной причине он непременно должен надеть на себя одежду носильщика. Тише! Этот болван тут как тут. Вот уж смеху-то будет!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Д з о п п и н о, м е с с е р М а к о, м а с т е р А н д р е а.

Д з о п п и н о. Моя госпожа, синьора Камилла, целует руки вашей милости.

М е с с е р М а к о. Она страдает по мне, не правда ли?

Д з о п п и н о. Несказанно.

М е с с е р М а к о. Как только она родит мне сына, я заплачу за самые пышные крестины.

М а с т е р А н д р е а. Что ты о нем думаешь?

Д з о п п и н о. Теперь, поглядев на это чудо вблизи, я верю, что она без ума от него.

М е с с е р М а к о. Сколько поцелуев запечатлела она на моем письмеце?

Дзоппино. О! Больше тысячи.

Мессер Мако. Сердечная! Сладостная! Коварная! А с моим страмботто что она сделала?

Дзоппино. Сокрыла его.

Мессер Мако. С чьей-либо помощью?

Дзоппино. Да, с помощью своего портного. Однако пора бы и отдохнуть нашему архипоэту: он слишком усердно холит, поит и кормит своего пегасийского осла, с помощью которого зарабатывает свои навозные регалии.

Мессер Мако. Это была простая импровизация.

Дзоппино. Везет вам как утопленнику.

Мессер Мако. Но ведь я — это я.

Мастер Андреа. Вы о себе непомерно высокого мнения.

Мессер Мако. О вы, что присланы сюда синьорой Камиллой, знаете ли, что я хочу сказать вам?

Дзоппино. Нет, синьор.

Мессер Мако. Как только я получу из Сиены марципаны, я подарю вам парочку.

Мастер Андреа. Разве я не говорил тебе, что он щедрее любого папы или императора? А теперь пойдем посовещаемся, как спровадить мессера к синьоре.

Мессер Мако. Только поскорее, время не терпит. Эй, Грилло, Грилло, обожди у окна!..

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Грилло, у окна, мессер Мако, мастер Андреа,
Дзоппино, снаружи.

Грилло. Что прикажете?

Мессер Мако. Ничего. Впрочем, да. Эй, Грилло!

Грилло. Я здесь. Что вам угодно?

Мессер Мако. Не помню.

Мастер Андреа. Входите, синьор Дзоппино.

Дзоппино. Пусть сначала войдет ваша милость, маэстро Андреа.

Мастер Андреа. Нет, сперва ваша милость.

Дзоппино. Нет уж, ваша.

Мессер Мако. Первым войду я, а вы за мной.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Р о с с о, один.

Р о с с о. Хозяин наобещал своему Россо все титулы, которые граждане Норга или Тоди дают своим посланникам. Он клятвенно обещал мне богатства и чины и хочет, чтобы я давал ему советы, им руководил и повелевал. Так отправляйтесь же к потаскухам все вы, которые ничего не умеете делать, кроме как красиво кланяться, держа в руке блюдо или же хорошо вымытый стакан, разговаривать не иначе как на цыпочках и весь день развлекать синьоров музыкой и сочинять для них славословия, воображая, что таким способом вы сможете втереться к ним в доверие. Ничего вы не смыслите! Главное — это добывать им хороших девчонок. Как только хозяин клюнул, он мигом берет тебя с собой в Рим, ласкает, холит и задаривает, а там, глядишь, и шапочка с медалью и подвесками из презренного золота, которую ты должен носить из любви к нему. Впрочем, давно уже пора вести к нему Альвиджу. Если обман обнаружится, придется бежать куда глаза глядят. Мне известны все бардаки в Италии и вне ее, и в них меня не сыщут даже Календарь, который находит все праздники в году. Но я почти уверен, что в этот час я ее не застаю, ибо у нее кроме рынка множество и других дел.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Мастер Андреа, Дзоппино.

М а с т е р А н д р е а. Самое лучшее — это облачить Грилло в платье мессера Мако, а его самого — в бергамский костюм Грилло.

Д з о п п и н о. Я тоже переоденусь и, как только увижу мессера Мако у дверей синьоры, сделаю вид, будто принимаю его за носильщика. Подойду и спрошу его, не согласен ли он отнести покойника на кладбище. Ты же в этот самый момент тоже появишься и уговоришь его согласиться. Грилло же притворится, что его не узнает.

М а с т е р А н д р е а. Отлично.

Д з о п п и н о. Между тем я скажу, что вышел при-

каз о высылке мессера Мако, которого уже всюду разыскивает пристав. Смотри не забудь вызвать всех наших друзей, я же пойду вперед и позабочусь обо всем остальном.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

М а с т е р А н д р е а , Г р и л л о , в о д е ж д е х о з я и н а , и м е с с е р М а к о ,
в одежде носильщика.

М а с т е р А н д р е а . Идите сюда! Ха-ха-ха!

Г р и л л о . Бархат мне к лицу?

М е с с е р М а к о . Учитель, а я на кого похож?

М а с т е р А н д р е а . Ха-ха-ха! Ох! Ох! Вас и с помощью морской карты не разыщешь. Теперь слушайте: если кого увидите, делайте вид, что вы должны вынести ящик от синьоры, а если никого не увидите, входите в дом, принимайтесь за дело и, хоть раз в жизни, дайте волю своим мечтам и желаниям.

М е с с е р М а к о . Мне кажется, что я вот уже тысячу лет жду не дождусь такого случая.

М а с т е р А н д р е а . Ты, Грилло, потихоньку следуй за ним и, как вам повстречается ее покровитель, не пугайтесь, он ничего не заподозрит, ибо ты похож на мессера Мако, а мессер Мако — на носильщика.

М е с с е р М а к о . Не отходите от меня, боюсь, как бы это испанское отродье не выпотрошило мне кишки. Горе мне! Вот он. Я боюсь! Я весь дрожу!

М а с т е р А н д р е а . Не бойтесь. Идите прямо к ней. Однако что за хитрая бестия этот Дзоппино: глядя на его движения, на походку и на манеру носить плащ и шпагу, можно подумать, что это настоящий испанец-головорез.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Д з о п п и н о , п е р е о д е т ы й , м е с с е р М а к о , м а с т е р А н д р е а ,
Г р и л л о .

Д з о п п и н о . Не отнесешь ли покойника на кладбище?

М е с с е р М а к о . Давайте. Мне не впервой.

Д з о п п и н о . Нынче, как хлеб подешевел, вы, сволочи, утруждать себя не хотите.

Мессер Мако. Утруждать себя, конечно, я не собираюсь, разве только ящиком этой синьоры.

Мастер Андреа. Носильщик, помоги этому синьору.

Мессер Мако. Учитель, разве вы меня не узнаете?

Мастер Андреа. Чтоб тебе пусто было! Ты кто?

Мессер Мако. О Господи, я пропал! Я сам себя не узнал в этой одежде! Грилло, разве я не твой хозяин?

Грилло. Клянусь телом того, от кого никогда не отрекусь, я не я, если тебя не прикончу.

Дзоппино. Отпустите этого осла. Пусть он треснет, а я заставлю его нести свою ношу. По городу объявлено, что всякий, кто опознает или захватит некоего мессера Мако из Сиены, прибывшего в Рим без паспорта и в качестве шпиона, обязан доставить его губернатору под страхом смерти. Как полагают, губернатор намерен его оскопить.

Грилло. Горе мне!

Мастер Андреа. Не бойтесь, мы наденем ваше платье на этого носильщика, и пристав, который примет его за мессера Мако, схватит и оскопит его вместо вас.

Мессер Мако. Я носильщик, носильщик, а вовсе не мессер Мако! Помогите, помогите!

Дзоппино. Хватай его, держи! Шпион, обманщик! Ха-ха! Беги за ним, Грилло, как бы чего не вышло. А то какой-нибудь пиявка банкир окажется его родственником и нас за это возненавидит. Так и вижу, как среди прилавков иной сплетник, окруженный толпой зевак, хохочет над этой проделкой.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Параболано, Валерио.

Параболано. Ну и что, если Россо в шутку злословил обо мне с Каппой?

Валерио. Хотя от похвал такого человека никому не прибудет и от осуждений его ни у кого не убудет, все

же не следует восхищаться Россо как вместилищем всех добродетелей.

П а р а б о л а н о. Я восхищаюсь своим здоровьем, но не тем человеком, который услужливо стелит мне постель, и не тем, кто расторопно чистит мою одежду, и не тем, кто считается знатоком хорошего тона, и не тем, кто докладывает мне жалобы моих слуг на меня, и не тем, кто целыми днями морочит мне голову музыкой и стихами, выпрашивая и вымогая у меня подарки. Ты меня понимаешь?

В а л е р и о. Что до меня, то я всегда выполнял обязанности верного слуги и блюстителя вашей чести, и я предпочитаю выслушивать упреки за это, чем похвалу за то, что предложил вам нечто недостойное ни вашего, ни моего положения. Но ведь недостаток общий для всех синьоров — это нежелание слышать правду или вообще что-либо толковое.

П а р а б о л а н о. Молчи, говорят тебе, молчи.

В а л е р и о. Я человек прямой и потому говорю свободно.

П а р а б о л а н о. Успокойся, и пойдем домой.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Р о с с о, А л ь в и д ж а.

Р о с с о. Теперь дело в твоих руках.

А л ь в и д ж а. Ты думаешь, мне впервой?

Р о с с о. Ну, я-то не думаю.

А л ь в и д ж а. Тогда предоставь уж мне обо всем подумать.

Р о с с о. А вот и хозяин. Видишь, с каким кислым лицом он смотрит на небо, скрестив руки на груди... а вот теперь покусывает палец и чешет затылок: ни дать ни взять человек, который в душе произносит проклятия.

А л ь в и д ж а. Что ты! Это верные признаки влюбленности.

Р о с с о. О, какое дурачье эти сердечные привередники, которые все время что-то бормочут о всяких герцогинях да княгинях. Я думаю, что чертовски трудно чего-нибудь добиться от благородной дамы, и те, кто хвастается, будто чего-то добился или что-то сказал синьоре такой-то или синьоре такой-то, в конце концов довольствуются простой потаскухой.

А л ь в и д ж а. Конечно, хотя и не все эти благородные дамы одним миром мазаны и не всем это нравится, но иные воздерживаются от страха, другие — от стыдливости, некоторые — просто от лени. И никогда не бывает так, чтобы их любовью не пользовался кто-нибудь из слуг или приживальщиков, но это ради чистого удобства.

Р о с с о. Иногда перепадает и домашним учителям, которые, пресытившись сыновьями, братьями и служанками, частенько наставляют рога мужьям своих хозяек.

А л ь в и д ж а. Ха-ха! Однако твой хозяин заметил нас.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Параболано, Россо, Альвиджа.

Параболано. Привет почтенной парочке.

Россо. Хозяин, эта женщина хочет вручить вам ключи от Царствия Небесного.

Параболано. Вы кормилица моего ангела?

Альвиджа. Я ваша покорная служанка и кормилица той, для кого вы одновременно и жизнь, и душа, и сердце, и надежда... Чувствую, что моя любовь к воспитаннице доведет меня до геенны огненной.

Параболано. Почему же, уважаемая матушка?

Альвиджа. Потому что честь — сокровище вселенной. Но любовь к своему дитяти преодолагает даже страх перед загробными карами. Я хочу видеть мою Ливию, мою повелительницу, мою дочь живой и счастливой. По воле своей удачливой судьбы — так хочется мне выразиться — она посылает меня к вашей милости и просит вашу милость соблаговолить быть любимым ею. Но и кто бы не влюбился в столь благородного синьора?

Параболано. Коленопреклоненно хочу вас выслушать!

Альвиджа. Нет, это слишком, синьор.

Параболано. Я выполняю всего лишь свой долг.

Альвиджа. Встаньте, ибо в наше время эти ваши неаполитанские штучки всем опротивели.

Параболано. Продолжайте, почтеннейшая матушка.

А л ь в и д ж а. Мне совестно разговаривать со столь сиятельным синьором в такой старой юбчонке.

П а р а б о л а н о. Пусть же это ожерелье ее обновит.

Р о с с о. Разве я не говорил тебе, что моему хозяину так же просто подарить сто скуди, как адвокату украсть тысячу? *(В сторону.)* Он и клопа зарезал бы, чтобы выпить из него кровь.

А л ь в и д ж а. По лицу видно.

Р о с с о. Он ежегодно одевает нас с головы до ног во все новое. *(В сторону.)* Дай Бог, чтобы хоть жалованье-то выплатил!

А л ь в и д ж а. Да, таких хозяев поискать надо!

Р о с с о. В людской у него каждый день масленица. *(В сторону.)* Мы в ней с голоду подышаем.

А л ь в и д ж а. Об этом всюду говорят.

Р о с с о. Мы все ему друзья и братья. *(В сторону.)* Да будь ты при последнем издыхании, все равно ласкового слова не скажет.

А л ь в и д ж а. Как и подобает истинному вельможе.

Р о с с о. Клянусь, он даже перед папой готов замолвить словечко о самом последнем из своих слуг. *(В сторону.)* Если бы он увидел своего слугу с веревкой на шее, он и тогда не сказал бы ни слова.

А л ь в и д ж а. Не клянись, я и так верю.

Р о с с о. Он нас любит, как родной отец. *(В сторону.)* А вернее, до смерти нас ненавидит.

А л ь в и д ж а. Охотно тебе верю.

П а р а б о л а н о. Россо знает мою натуру.

Р о с с о. За это-то я и хвалю вас. И подумайте только, мадонна Альвиджа, ведь ваша крестница уже помолилась Святому Юлиану, чтобы этот синьор в нее влюбился, но поверьте — он другую не удостоил бы своей любви, хотя пол-Рима этого добивается.

А л ь в и д ж а. Значит, пока еще он не соглашается?

Р о с с о. Нет, матушка, нет.

П а р а б о л а н о. Этого не говори. Я же благодарю свою счастливую судьбу за то, что Ливия меня полюбила.

Р о с с о. Соблюдайте свое достоинство!

П а р а б о л а н о. Скажите, дорогая мадонна, с каким выражением лица она обо мне говорит?

А л ь в и д ж а. С выражением, какое бывает только у императрицы.

П а р а б о л а н о. С какими жестами?

А л ь в и д ж а. С такими, какие могли бы совратить и отшельника.

П а р а б о л а н о. Каковы ее обещания?

А л ь в и д ж а. Самые щедрые и самые торжественные.

П а р а б о л а н о. Не притворяется?

А л ь в и д ж а. Притворяется? Что вы!

П а р а б о л а н о. Любит ли она других?

А л ь в и д ж а. Других? Как можно! Она столько из-за вас выстрадала, что, если только перестанет страдать, она перестанет...

П а р а б о л а н о. Из-за меня она никогда страдать не будет.

А л ь в и д ж а. Дай Бог!

П а р а б о л а н о. Что она сейчас делает?

Р о с с о (*в сторону*). Сидит в нужнике.

А л ь в и д ж а. Проклинает день, ибо он никак не может кончиться.

П а р а б о л а н о. Какое ей дело до длинного дня?

Р о с с о. А то дело, что она хочет сегодня ночью с вами встретиться. Она твердо решила либо перестать мучиться, либо умереть.

П а р а б о л а н о. Россо правду говорит?

А л ь в и д ж а. Сущую правду. Она умрет, если ваша милость не ответит взаимностью. Войдем же, и я вам все в подробностях разъясню и объясню. Подожди здесь, Россо. Сейчас мы вернемся.

Р о с с о. И не подумаю.

П а р а б о л а н о. Входите вы, матушка, первая.

А л ь в и д ж а. Помилуйте, синьор, не унижайте меня вашим вниманием. Пусть ваша милость войдет первой.

Р о с с о. Не отказывайте синьору. Ваш возраст дает вам право идти первой.

А л ь в и д ж а. Ну, как вам будет угодно.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мессер Мако, в одежде носильщика, Россо.

Мессер Мако. Что вы мне посоветуете?

Р о с с о. Иди и дай себя повесить, носильщик проклятый!

Мессер Мако. Дайте перевести дыхание.

Р о с с о. Жаль, что ты не сдох.

Мессер Мако. Пристав ищет меня по ошибке.

Россо. Подумаешь, «по ошибке», благо, был бы палач, а то просто пристав.

Мессер Мако. А знаете ли вы синьора Раполано?

Россо. Какого Раполано?

Мессер Мако. Того синьора, который послал мне миноги. Вы меня не узнаете?

Россо. Никак, вы — мессер Мако?

Мессер Мако. Да, мадонна. Я хотел сказать — да, мессер.

Россо. Что это за гнусные увертки?

Мессер Мако. Мастер Андреа вел меня, переодетого, к потаскухам.

Россо. Вел и провел... Все сиенские мозги одного поля ягоды, как попы да монахи.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Параболано, Россо, мессер Мако, Альвиджа.

Параболано. Что скажешь, Россо?

Россо. Скажу, что этот человек и есть ваш сиенский мессер. Его только что обработал этот бездельник мастер Андреа, как вы сами можете это заметить.

Параболано. Клянусь телом Господним, я ему отомщу.

Мессер Мако. Не обижайте его, ведь пристав предатель.

Параболано. Ты, Россо, займи кормилицу, а вы, мессер Мако, следуйте за мной.

Мессер Мако. Синьор Раполано, к услугам вашей милости.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Россо, Альвиджа.

Россо. Ну?

Альвиджа. О, вот уж великий хвостун!

Россо. Ха-ха-ха!

Альвиджа. Знаешь, что меня удивляет?

Россо. Нет, не знаю.

Альвиджа. А то, что он, изнывающий от любви к

этой Ливии, воображает, будто и она, в глаза его не видевшая, тоже чахнет от любви к нему.

Р о с с о. Нечего удивляться, ибо такого сорта синьор, прислуживавший некогда лакеем при десяти собаках, а ныне опьяневший от собственного величия, твердо убежден, что весь мир его боготворит. Если бы только можно было заглянуть в его душу, то голову даю на отсечение, что он сам себе не может простить своей любви к Ливии. Он наверняка считает, что это она должна была за ним бегать. Словом, он думает так, как мы пытаемся ему внушить.

А л ь в и д ж а. Бедняжка! Дурачок! А теперь вот что я тебе скажу: отныне я собираюсь заняться спасением своей души. Ведь сейчас я уже могу с чистым сердцем сказать: «Мир, иди с Богом!» Я прожила жизнь бурную и наполненную. Сколько позади мимолетных желаний, в исполнении которых я себе никогда не отказывала! В мое время ни Лоренцина, ни Беатричичка, ни Анджолетта из Неаполя, ни Беатриче, ни «Мама не велит», ни сама великая «Империя» не могли меня переплунуть. Наряды, маски, роскошные дома, бои быков, конские ристалища, соболя с золочеными мордочками, попугаи, обезьяны, десятки камеристок и служанок — все это было для меня сущими пустяками. А толпы синьоров, монсеньоров, посланников? Ха-ха! Мне до сих пор смешно, как я с одного епископа стянула все, вплоть до митры, которую напялила на голову одной из моих служанок, потешаясь над бедным малым. А один сахароторговец оставил у меня все, даже свои запасы, так что в доме у меня еще долго каждая вещь была просахаренна. А потом я захворала одной болезнью, название которой так и не узнала, однако ж лечили ее как французскую. От множества лекарств я в конце концов состарилась и стала сдавать комнаты, продав сначала свои кольца, платья и все вещи моей молодости, а потом пришлось заняться стиркой крахмальных рубашек. Когда и это оказалось не под силу, занялась вразумлением молодых женщин, чтобы они не глупили и не требовали от старости осуждения плоти... Ты меня понимаешь? Но что это я хотела еще сказать?

Р о с с о. Ты хотела сказать, что и я в свое время был монахом, половым, жидом, служил на таможне, был погонщиком мулов, полицейским, каторжником по принуждению, а для собственного удовольствия мельни-

ком, сводником, шарлатаном, бродягой, слугой при школярах и лакеем при вельможах, а что сейчас я просто грек. Таково было мое участие в жизненной игре. Что же касается нынешнего нашего случая, то слово за тобой, Нанна. Но часть ожерелья моя.

А л ь в и д ж а. В моей прекраснейшей речи не было намека на отказ, я только хотела сказать, что заднице моей не шестнадцать лет и что я еще никогда не бралась за подобное предприятие.

Р о с с о. А потому ты должна быть мне особенно благодарной, тем более что оно может оказаться последним.

А л ь в и д ж а. Почему последним? Разве меня могут убить?

Р о с с о. Не в этом дело; я говорю «последним», ибо женщинами при дворе больше не пользуются. А случилось это потому, что жениться нынче не модно... выходят только замуж, и благодаря такому отменному способу каждый удовлетворяет свои желания, не нарушая законов.

А л ь в и д ж а. Ну и бесстыжий же этот твой двор. Бог знает до чего докатились. И этакое скотство творится под эгидой митры!

Р о с с о. Брось свои причитания! Лучше скажи, что ты можешь сделать, чтобы удержать моего хозяина?

А л ь в и д ж а. Да уж что-нибудь да смогу. Неужто ты принимаешь меня за безмозглую дурочку?

Р о с с о. Есть у тебя кто на примете?

А л ь в и д ж а. Жена булочника Арколано — лакомый кусочек, и она целиком в моих руках. Прикажу ей прийти к нам в дом, и в темноте мы их спарим.

Р о с с о. Здорово придумала!

А л ь в и д ж а. Можно найти сколько угодно благородных дам, которые кажутся божественными только благодаря нарядам и белилам, но которые в действительности весьма жалкие приманки. А у Тоньи — жены булочника — тела такие белые, тугие, юные и чистые, что сделали бы честь любой королеве.

Р о с с о. Допустим даже, что Тонья уродина и ничего не стоит, но все равно она покажется ангелом моему синьору. Ведь у синьоров меньше вкуса, чем у покойников. Пьют они всегда худшие вина, едят самые отвратительные блюда, принимая их за самые лучшие и самые дорогие.

А л ь в и д ж а. Итак, мы договорились. Вот и наш домишко. Возвращайся к хозяину, узнай его решение и час, когда он хочет прийти. И главное — не забудь захватить ожерелье. На досуге его поделим.

Р о с с о. Хорошо, хорошо. Бегу.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

В а л е р и о, Ф л а м м и н и о.

В а л е р и о. Вот уже целый час, как ты безумствуешь. Не бросай службы, ибо желания придворного осуществляются именно тогда, когда он меньше всего этого ожидает.

Ф л а м м и н и о. Как могут осуществляться мои желания, коли они еще не созрели? Увидев в зеркале свою седую бороду, я почувствовал, как у меня навернулись слезы от великой жалости к самому себе. Ведь жить-то мне не на что. А следственно, какие могут быть у меня желания? О, я несчастный! Сколько проходимцев, сколько лизоблюдов, невежд и обжор разбогатели на моих глазах, а я — нищий! Довольно, я решил уйти, чтобы умереть в другом месте. Но если что и повергает меня в величайшее уныние, так это то, что я пришел сюда молодым, а ухожу глубоким стариком, пришел одетым, а ухожу голым, пришел напичканный надеждой, а ухожу преисполненным отчаяния.

В а л е р и о. А честь? Неужели ты хочешь зачеркнуть все то время, которое служил верой и правдой?

Ф л а м м и н и о. Это-то меня и убивает.

В а л е р и о. Синьор наш тебя любит, и ты увидишь, что, как только представится случай, он о тебе вспомнит.

Ф л а м м и н и о. Вспомнит? Да! Если бы в Тибре текло молоко, он не разрешил бы мне и палец в него окунуть.

В а л е р и о. Глупости, которые ты сам напрасно вбиваешь себе в голову. Но скажи, куда ты пойдешь? В какой город? К кому?

Ф л а м м и н и о. Мир велик.

В а л е р и о. Был велик, но сейчас он мал настолько, что талантливые люди уже не могут в нем поместиться. Я не отрицаю, что наш двор в упадке, но все же все-то к нему стремятся, все-то в нем уживаются.

Ф л а м м и н и о. Каким бы он ни был, но я решил уходить.

В а л е р и о. Обдумай как следует, а уж потом решай. Сейчас уже не те времена, когда по всей Италии из конца в конец знатные синьоры держали свой пышный двор: в Неаполе был король, в Риме — бароны, во Флоренции — Медичи, в Сиене — Петруччи, в Болонье — Бентивольи, в Модене — Рангони, в особенности граф Гвидо, который своей обходительностью завоевывал всех блестящих людей своего времени, а когда его не стало, ему наследовала великодушная синьора Арджентина, единственный луч целомудрия в наш позорный век.

Ф л а м м и н и о. Я знаю, кто она, и, не говоря о ее редчайших добродетелях, я преклоняюсь перед ней за ту безмерную привязанность, которую она питает к прекраснодушнейшему королю Франциску, и надеюсь скоро увидеть его величество достигшим того благополучия, которое, в соответствии с его заслугами, желает ему эта отменнейшая женщина и весь мир.

В а л е р и о. Вернемся к нашей беседе. Куда же ты отправишься? В Феррару? Но что ты будешь там делать? В Мантую? А что ты там скажешь? В Милан? На что ты там будешь надеяться? Послушайся же человека, который желает тебе добра. Оставайся в Риме, ведь даже если бы здесь не было ничего, кроме щедрости дона Ипполито Медичи, служащего примером для двора и прибежищем для столь великого множества талантов, доброе старое время должно неминуемо к нам вернуться.

Ф л а м м и н и о. Возможно, я отправлюсь в Венецию, где я уже бывал, и возьму свою нищету свободой этого города. Там по крайней мере ни один фаворит и ни одна фаворитка не могут безнаказанно убивать бедняков, ибо только в Венеции правосудие уравнивает чаши весов, только там страх чужой немилости не заставит тебя превозносить человека, который еще вчера был вшивым ничтожеством. А кто сомневается в заслугах этого города, пусть только взглянет на то, как Господь Бог его возвеличивает; и, уж конечно, Венеция — город святой, настоящий земной рай. А удобство венецианских гондол — разве это не мелодия сладчайшего безделья? А что значит по сравнению с этим ездить верхом? Ездить верхом — это значит снашивать

штаны, приходить в отчаяние от конюхов и ломать себе кости.

Валерио. Разумно говоришь, да к тому же и жизнь там безопасней и долговечней, чем где бы то ни было. Однако, поселившись в Венеции, ты пожалеешь о времени, которое в ней провел.

Фламминьо. Почему?

Валерио. Потому что там не ценят талантливых людей.

Фламминьо. Плохо же ты знаешь Венецию! Талантливых людей там много, ибо Венеция — приют человеческого разума, благородства и таланта. Рим же — приют подлости и зависти. Где еще найдешь ты второго преподобного брата Франческо Джорджи, питомца всех наук? Блажен тот двор, владыка которого, вдохновленный свыше, поднимает его до высоты, отвечающей его собственным заслугам. А что ты думаешь о высокочтимом отце Дамиано, истинном толкователе Священного Писания, чьи проповеди дробят мрамор сердец? А разве не слышал ты вчерашнего разговора о Гаспаро Контарини, солнце и жизни философии и греко-латинской учености и зеркале добронравия?

Валерио. Я знал его великолепии еще в Болонье, в бытность его посланником при кесаре. Я часто слышал упоминания об этих двух достопочтенных отцах, а здесь, в Риме, видел самого Джорджи.

Фламминьо. И кто же не поедет нарочным для того только, чтобы лицезреть достойного Джамбаттиста Мемо, спасителя математических наук и мужа великой учености?

Валерио. Знаю его понаслышке.

Фламминьо. Понаслышке ты должен знать и о Бевацано. В свое время он был светилом среди римских ученых. Наверняка наслышан ты и о почтенном Капелло. Но как не вспомнить о великом Трифоне Габриелли, чьи суждения охватывают и явления природы, и явления искусства? А в числе других светлых умов мне известен и Джироламо Квирини, воплощенный вкус и воплощенное изящество, поражающий мир как последователь своего дяди, мессера Винченцио, который при жизни прославил свое отечество, а после смерти — Рим. Известен также и Джироламо Молино, любимец муз. А кто не возликовал бы, внимая прелестным сочинениям Лоренцо Виниеро? А какой милый собеседник Луиджи

Квирины, который, прославившись на поле брани, стяжал себе славу и как законник! А наш Эвриал, вернее, Аполлон ди Асколи, а также Перо, говорили мне, что в Венеции живет Франческо Саламоне, который своим пением в сопровождении лиры может пристыдить самого Орфея.

В а л е р и о. О нем я слышал.

Ф л а м м и н и о. Милейший Мольца мне говорил, что там же живут два удивительных юноши — Луиджи Приули и Маркантонио Соранцо, достигшие вершины не только всего, чему можно научиться, но и всего доступного нашему познанию. А по придворному лоску, по добродетели и рассудительности кто может сравниться с такими законченными вельможами, как монсеньор Валерио или монсеньор Бревио?

В а л е р и о. Они хорошо известны в Риме.

Ф л а м м и н и о. Итак, Венеция может хвалиться и сборищем талантливых людей, и благородными развлечениями, но нельзя было не поражаться, слушая великого из великих — Андреа Наваджеро, по стопам которого следует и добрейший Бернардо. Я чуть не забыл о Мафффио Лиони, этом втором Демосфене или втором Цицероне, не говоря уже о тысяче других благородных талантов, прославивших наш век, так же как прославил его Эгнацио, единственная ныне опора латинского красноречия. И не воображай, что в Риме ты сможешь встретить какого-нибудь мессера Джованни ди Ледже, рыцаря и графа Санта Кроче, который с премудрой щедростью обнаружил в Болонье все великолепие своей духовной сущности.

В а л е р и о. Словом, если тебе поверить, то тут, в Риме, мы имели дело, за исключением Академии Медици, со стадом голодных шакалов и всевозможной сволочью, подкармливаемой на чужих кухнях.

Ф л а м м и н и о. И более того. Дабы ты окончательно себе это уяснил, благородный Фиренцуола утверждает, что в Венеции существует некто Береттаи, импровизатор, которому все здешние просто в подметки не годятся. Недаром их заглушает Паскуино. Однако оставим в стороне философов и поэтов. Где же царит такой мир и покой, как не в Венеции? Где же любовь, как не в Венеции? Где изобилие, где благоденствие, как не в Венеции? А что это так, доказывает нам епископ Кьети, прямая противоположность здешним попам,

зерцало святости, отец смирения, пример истинного благочестия, который удалился в Венецию с кучкой последователей ради спасения своих душ. Он ненавидит Рим и презирует наш постыдный образ жизни. Я как-то побывал в Венеции во время двух карнавалов и подивился торжествам, которые устраивали цехи, поразились необычайным празднествам, которые разыгрывали великодушные «Реали», изящные «Флориди» и почтенные «Кортези». Я был потрясен при виде стольких именитых горожан, сенаторов, докторов и кавалеров, такого изобилия знати, молодости и богатства. Я собственными глазами читал письмо к наихристианнейшему из королей, в котором было сказано, что, когда поистине светлейший дож Андреа Гритти вкупе со всей всемогущей синьорией взошел на «Бученторе», дабы почтить присутствие французской королевской крови в лице феррарской герцогини, — корабль этот чуть не пошел ко дну, настолько он оказался перегруженным премудростью этих высочайших особ. И что замыслы этих особ, с наивысшей осмотрительностью осуществлявшиеся генерал-капитаном герцогом Урбинским, будут вечно жить в писаниях божественнейшего монсеньора Бембо. И не думай, чтобы синьоры, ведущие переговоры с отменным и справедливым венецианским сенатом от лица своих властителей, были менее приветливы и менее обходительны, чем те, что представляют здесь своих властителей перед его святейшеством. Там пребывает, например, достопочтеннейший легат монсеньор Алеандро. И если бы его ученость и благочестие распространялись и на других прелатов, то это было бы неплохо для доброй славы всего духовенства. А можно ли умолчать о доне Лопесе, хранителе тайн и поручений счастливейшего кесаря Карла Пятого, оплота христианской веры?

В а л е р и о. Ты говоришь о доне Лопесе Сория, на милости и доброте которого зиждятся все надежды Пьетро Аретино?

Ф л а м м и н и о. Да, я говорю о новом Улиссе.

В а л е р и о. Я склоняюсь перед звуком его имени, и в этом я прав, ибо он — покровитель всякой доблести, в чем бы она ни проявлялась.

Ф л а м м и н и о. Поговори с достойным и верным Джанджоакино и со всеми благородными умами, приезжающими в этот город, и ты поймешь достоинства уче-

нейшего монсеньора ди Сельва, епископа Лавурского, по нравам и осанке которого легко убедиться, что он всем обязан великому королю Франциску. Будучи его посланником в Венеции, он всех поражает своим умом и своей скромностью. А после этого взгляни на сдержанность, строгость и благородное воспитание протонотария Казале, на этот образец истинного великодушия. Не хватило бы и половины Англии, чтобы оплатить его заслуги перед своим королем. Клянусь Богом, Валерио, что человек, замещающий в Венеции превосходительного герцога Урбинского, способен благодаря своим познаниям управлять делами не одного, а двух миров и поистине достоин милости своего синьора. А что за великая фигура этот Висконти, который там же, в Венеции, представляет своего герцога Миланского? Умалчиваю я и о заслугах Бенедетто Аньелло перед великим герцогом Мантуанским, а также о заслугах отменного Джанякопо Тебальдо, достоинства которого равняются достоинствам его родной Феррары. О, сколько нежности в этом старике, сколько преданности в этом человеке! По-моему, он двоюродный брат нашего мессера Антонио Тебальдео, который, по словам синьора, единственного в своем роде вдохновителя муз, еще удивит весь мир своими писаниями, подобно тому как Поллион-аретинец удивит его своими «Священными триумфами», которые он вскоре выпустит в свет.

В а л е р и о. Ты поистине заткнул мне рот.

Ф л а м м и н и о. Я пропустил еще сонм живописцев и скульпторов, подвигающихся там вместе с добрым мессером Симоном Бьянко. Не упомянул неповторимого Луиджи Каорлини и тех, кто с ним был в Константинополе, откуда только что вернулся великолепный Марко ди Никколо, в душе коего не меньше величия, чем в душе любого короля, почему синьор Луиджи Гритти, пребывающий на вершине славы, и включил его в круг тех, кому он милостиво благоволит. В Венеции же, на посрамление плебеев и злостных завистников, живет прославленный чудодей, великий Тициан, чей колорит дышит тем же, чем дышит живая плоть, наделенная пульсом и дыханием. Недаром изумительный Микеланджело с изумлением расхваливал портрет феррарского герцога, который привез с собой император. А Пордононе, творения которого заставляют нас усомниться в том, природа ли придает осязаемость искусству

или искусство — природе? И я не отрицаю, что Маркантонио — единственный, кто владеет резцом, хотя его ученик Джаньякопо Каральо из Вероны до сих пор не только ему не уступает, но и превосходит его, как это видно по его гравюрам на меди. И я уверен, что знаменитый Маттео дель Назар, которым равно дорожат и король Франции и искуснейший Джованни из Кастель-Болоньезе, считает чудом резьбу по горному хрусталу, драгоценным камням и стали, выполняемую Луиджи Аникини, который также проживает в Венеции. И там же — Франческо Марколини из Форли, цветущий талант которого преисполнен великих возможностей. Живут там еще добрый Серлио, архитектор болонский, и мессер Франческо Алунио, божественный изобретатель литер на всех языках мира. Кто же еще? Достойный Якопо Сансовино променял Рим на Венецию, и поступил мудро, ибо, если верить словам Андриана, великого отца музыки, Венеция — тот же Ноев ковчег.

В а л е р и о. Верю тебе, а раз я верю твоим словам, я хочу, чтобы и ты поверил моим.

Ф л а м м и н и о. Говори же.

В а л е р и о. То, что ты мне перечислил, — чистейшая правда. Но она тут ни к селу ни к городу. Я утверждаю, что твоя нищета происходит от неуважения ко двору, которым ты всегда отличался. Порицание всех мнений и установлений двора — вот что всегда вредило и будет тебе вредить.

Ф л а м м и н и о. Я предпочитаю вред от правдивости, чем пользу от лжи.

В а л е р и о. По правде говоря, это-то никому не нравится, ибо ничто так не колет синьорам глаза, как истины, тобой изрекаемые. О великих мира сего надо всегда говорить, что творимое ими зло — добро; осуждать их настолько же вредно и опрометчиво, насколько хвалить их безопасно и прибыльно. Им дозволено делать все, что вздумается, нам же не дозволено даже говорить, что думаем. И не нам пристало исправлять чинимые ими преступления, но Господу Богу. Так одумайся же немного и давай побеседуем без раздражения: неужели тебе кажется, что ты поступил разумно, наговорив этакое о дворе?

Ф л а м м и н и о. А что я о нем такого наговорил?

В а л е р и о. Ты изобразил его как еретика, фальшивомонетчика, предателя, наглеца, лишенного чести. И он стал притчей во языцех благодаря твоим рассказам.

Ф л а м м и н и о. Вернее, благодаря собственным своим заслугам.

В а л е р и о. Снова ты за свое. Болтать о дворе, как ты это делаешь, еще полбеда, ибо Паскуино всегда говорил о нем правду и всегда будет ее говорить. Но ты перешел на злобу дня, занялся сплетнями, заговорил о чужих мнениях и привилегиях, якобы сказал даже, что у герцогов бывают ноги, как у прочих смертных, — словом, ты выражаешься о них так, что должен бы постыдиться.

Ф л а м м и н и о. Почему я должен стыдиться говорить о том, чего они не стыдятся делать?

В а л е р и о. Потому что синьоры есть синьоры.

Ф л а м м и н и о. Если синьоры есть синьоры, то простые люди есть люди. Синьорам приятно видеть, как умирает с голоду тот, кто им служит, и тем больше они наслаждаются, чем больше страдает человек достойный. К сугубому их позору, они пристают то к невинному мальчику, то к заправскому развратнику, то к старому вонючему козлу. Воспевая их гнусность, я торжествую. И замолчу я лишь тогда, когда хотя бы двое из них по доброте и щедрости сравниваются с королем Франции. Но я знаю, что никогда не замолчу.

В а л е р и о. Почему?

Ф л а м м и н и о. Да потому, что скорее увижу этот двор честным и скромным, чем найду там двоих таких людей! Но поскольку — положи руку на сердце — за долгие и долгие годы я настолько привык к своей службе, что жить без нее уже не могу, то вот я и решил отправиться ко двору его величества короля Франции. Ведь даже если бы я не получил там ничего, кроме лицемерия стольких синьоров, стольких военачальников и стольких талантов, я все равно буду жить припеваючи, ибо величие, веселье и свобода французского двора способны утешить любого человека точно так же, как нищета, уныние и раболепие здешнего двора способны повергнуть его в отчаяние... Я не раз слышал, что ласковая доброта наихристианнейшего из королей столь безгранична, что заставляет всех его боготворить, подобно тому, как неприветливость и грубость всякого другого синьора заставляет всех его ненавидеть.

В а л е р и о. Ты прав. Можно бы воздать и большую хвалу. Но ведь на белом свете существует только один король Франции, и милость его беспредельна, ибо даже

те, кто никогда его не видел, им восхищаются, его прославляют, уважают и боготворят.

Ф л а м м и н и о. Потому-то я и хочу бежать от заразы здешнего двора, чтобы перейти на службу к нему, и не скрою от тебя, что у меня есть рекомендательные письма от монсеньора де Баиф, этого блюстителя изящной словесности, и бывшего посла Франциска в Венеции, который обещает мне благосклонный прием у его величества. Не будь на свете этого великого короля, я отправился бы в Константинополь на службу к синьору Альвиджи Гритти, в свите которого собралась вся куртуазность, бежавшая от плебейских синьоров, в коих нет ничего княжеского, кроме имени. К нему поехал бы и сам Пьетро Аретино, когда бы король Франциск не приковал его к себе золотой цепью и когда б великодушный Антонио де Лейва не обогатил его золотыми сосудами и денежными наградами.

В а л е р и о. Слыхал я и о короле и том даре, который Аретино получил от синьора Антонио, этой колесницы всех триумфов, управляемых нашим кесарем. Однако, раз ты уже решил отправиться, дождись отъезда его святейшества в Марсель.

Ф л а м м и н и о. Пришлось бы дожидаться второго пришествия.

В а л е р и о. Так, значит, ты не веришь, что он туда поедет?

Ф л а м м и н и о. Я верю в Господа нашего Иисуса Христа.

В а л е р и о. Что за канцелярские у тебя мозги! Все готовятся к его отъезду, а ты над этим глумишься.

Ф л а м м и н и о. Если папа туда отправится, я начну верить, что мир близится к своему концу или же что папа вернется оттуда порядочным человеком.

В а л е р и о. Почему ты в этом сомневаешься?

Ф л а м м и н и о. Потому что, если это произошло бы, я с радостью ухаживал бы за конями при этом дворе и считал бы себя счастливейшим из смертных. Ведь если наш святой отец снюхается с королем, мы сразу же страхнем с себя всех вшей. Но если он отправится в Марсель в том же образцовом порядке, в каком мы ходили в Болонью, то я сейчас уже вижу, как над нами будут потешаться французские придворные, проявляющие куда больше пышности в своих нарядах и угощениях, чем мы по своей бедности привыкли это делать.

Если бы не великолепие кардинала Медичи, которое скрадывает все остальное, мы походили бы на толпу разорившихся купчиков.

В а л е р и о. Замолчи, выходит хозяин. Пойдем отсюда в местечко поукромнее, и там я тебе объясню, как можно с честью расстаться с этим двором.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

П а р а б о л а н о, Р о с с о.

П а р а б о л а н о. Я видел, как ты входил через садовую калитку. Что говорит мадонна Альвиджа?

Р о с с о. Она поражена вашим отменным обращением, вашим вниманием и вашей щедростью и собирается подтолкнуть в ваши объятия другую особу. Словом, ваша милость не напрасно старались.

П а р а б о л а н о. Это еще ничто по сравнению с тем, что я для нее сделаю.

Р о с с о. Ровно в семь с четвертью означенная особа будет у нее. Но имейте в виду — она настолько стыдлива, что умоляет разрешить ей поработать с вашей милостью в темноте. Однако не беспокойтесь, скоро увидите ее и на свету.

П а р а б о л а н о. Верно, она считает меня недостойным лицезреть ее.

Р о с с о. Ничего подобного. Просто все женщины поначалу ломаются, а потом, отбросив робкую свою стыдливость, готовы удовлетворять плотские свои желания хоть на площади Святого Петра.

П а р а б о л а н о. Ты полагаешь, что дело тут в робости?

Р о с с о. Несомненно. А вы что думаете?

П а р а б о л а н о. Думаю, как сладко любить и быть любимым.

Р о с с о. Сладкая вещь — таверна, говорил Каппа.

П а р а б о л а н о. Сладкая — Ливия, вот что я тебе скажу.

Р о с с о. Бред, фантазия. Что до меня, то я Анджели-гречанке предпочитаю бокал греческого.

П а р а б о л а н о. Если бы ты находил вкус в каплях амброзии, источаемых влюбленными устами, любое вино по сравнению с этим показалось бы тебе кислятиной.

Р о с с о. Зря вы зачислили меня в девицы, свою

долю я уже отведал и не нахожу в ней той сладости, которую находите вы.

П а р а б о л а н о. У благородных мадонн другой вкус.

Р о с с о. Это правда, они и мочатся-то по-другому.

П а р а б о л а н о. Оставь дурацкие твои шутки!

Р о с с о. Почему же дурацкие? Обождите. Разве вы сами не говорили, будто сладость, источаемая языком, который владеет речью, превышает сладость винограда, фиги и мальвазии?

П а р а б о л а н о. Да, но только до известной степени.

Р о с с о. Ох, доведут же меня все эти сонетики Паскуино.

П а р а б о л а н о. Я не знал, что ты любитель поэзии.

Р о с с о. Как же! Было б у меня образование, я непременно заделался бы философом или шляпником.

П а р а б о л а н о. Ха-ха-ха!

Р о с с о. Когда я служил у римлянина Антонио Лелио, я всегда урывал минутку, чтобы почитать стихи, которые он сочинял во славу кардиналов, я их целую кучу выучил наизусть. О, они божественны, и я склоняюсь перед Барбиераччо, который говорит, что нет ничего предосудительного в том, если парочку их прочитывать на каждой утрени между Посланием и Евангелием.

П а р а б о л а н о. О, неплохо придумано.

Р о с с о. Что вы скажете, например, о сонете, в котором говорится:

«И сколько родичей у папы Льва?»

П а р а б о л а н о. Прекрасно.

Р о с с о. А об этом:

«Когда же Константин свершил свой дар,
Чтобы отделаться от злой проказы?»

П а р а б о л а н о. Очень тонко.

Р о с с о.

«Коль папа был одним из трех монахов,
То поваром был сам апостол Петр».

П а р а б о л а н о. Ха-ха-ха!

Р о с с о.

«Захочет ли Святая мона Церковь
Взять горностаи в законные мужья?»

П а р а б о л а н о. Здорово!
Р о с с о.

«О кардиналы, будь вы только немые,
Уж мы не захотели бы быть вами».

П а р а б о л а н о. Отлично.

Р о с с о. Попытаюсь достать те, что были написаны для мессера Паскуино в этом году; среди них должны оказаться тысячи занятных вещей.

П а р а б о л а н о. Клянусь честью, Россо, ты настоящий человек.

Р о с с о. Кто этого не знает?

П а р а б о л а н о. Однако не будем терять время. Зайдем домой, а потом ты отправишься к старухе и передашь ей мои приказания.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мастер Андреа, мессер Мако.

М а с т е р А н д р е а. А вы — давай Бог ноги, когда в этом не было никакой нужды. Ведь только ради вас синьор Параболано, вернувший вас домой *in visibillum*, заставил меня прибегнуть к чисто неаполитанскому приему.

М е с с е р М а к о. Ладно, поговорим о другом. Скажите, учитель, каким путем рождаемся мы на свет?

М а с т е р А н д р е а. Через дырку.

М е с с е р М а к о. Широкую или узкую?

М а с т е р А н д р е а. Широкую, как печь.

М е с с е р М а к о. А рождаемся для чего?

М а с т е р А н д р е а. Чтобы жить.

М е с с е р М а к о. А чем жить?

М а с т е р А н д р е а. Едой и питьем.

М е с с е р М а к о. Значит, я буду там жить, ведь ем я как волк и пью как лошадь: «клянусь честью», «клянусь Богом», «целую ручку». А что с нами будет, когда проживем свой век?

М а с т е р А н д р е а. Все помрем, каждый в своей дыре, как пауки.

М е с с е р М а к о. А разве все мы не дети «Андара» и «Андеры»?

М а с т е р А н д р е а. Все мы дети Адама и Евы,

макарончик ты мой, без соли, без сыра и без огня отпаренный.

Мессер Мако. Однако, я думаю, как хорошо было бы вот так просто взять и переплавиться в придворного, без всяких забот, лечь в такую форму — и готово! Мне этой ночью примерещилось, да и Грилло это подтвердит.

Мастер Андреа. У вас губа не дура. Но, к сведению вашей милости, выплавляют так же пушки, колокола и башни.

Мессер Мако. И башни? Я думал, что башни сами рождаются, как они родились в Сиене.

Мастер Андреа. С вашей стороны это было грубой ошибкой.

Мессер Мако. А хорошего из меня выплавят придворного?

Мастер Андреа. Отличного.

Мессер Мако. Почему?

Мастер Андреа. Потому что легче сделать человека, чем пушку. Но так как вы остановились на таком отменном способе — поспешим.

Мессер Мако. Пошли, я сегодня же хочу улечься в форму, иначе сдохну от нетерпения.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Альвиджа, одна.

Альвиджа.хлопот у меня больше, чем сразу на двух свадьбах. Кому подавай мазь, кому порошков против зачатия, одному не терпится передать мне письмо, другому поручение, третьему нужно приворотное зелье, этому — одно, тому — другое. А Россо, наверное, разыскивает меня. Разве я его не предупреждала?

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Россо, Альвиджа.

Россо. Как удачно, что я тебя застал.

Альвиджа. Я ведь коммунальная ослица.

Россо. Брось все прочие плутни и наколдуй так, чтобы хозяин нынче же ночью наигрался вволю.

А л ь в и д ж а. Вот только скажу несколько слов своему исповеднику и тотчас же вернусь. Подожди меня здесь.

Р о с с о. Ты найдешь меня либо здесь, либо возле дома моего хозяина. Однако что это там за монах?

А л ь в и д ж а. Тот самый, которого я ищу. Оставь нас.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Н а с т о я т е л ь и А л ь в и д ж а.

Н а с т о я т е л ь. Oves et boves universas, insuper et pecora campi.

А л ь в и д ж а. Вы всегда погружены в молитву.

Н а с т о я т е л ь. Нет, не слишком этим злоупотребляю. Я не из тех, кто особенно спешит поскорее попасть в рай. Ведь все равно я туда попаду, не сегодня, так завтра. Он так велик, что мы, слава Богу, все в нем поместимся.

А л ь в и д ж а. Верю и все же думаю, что это не так: ведь сколько народу туда уже попало и хочет попасть. Даже в Колизее, когда там представляют Страсти Господни, и то собирается столько народу, что продохнуть невозможно.

Н а с т о я т е л ь. Ты этому не удивляйся. Ведь душа, если можно так выразиться, подобна лжи, она места не занимает.

А л ь в и д ж а. Не понимаю.

Н а с т о я т е л ь. Exempli gratia: представь себе — ты находишься в крохотной каморке, крепко запертой изнутри, и через дверь объявляешь, что-де слон перед смертью составил завещание. Разве это не ложь, достойная отлучения?

А л ь в и д ж а. Да, отче.

Н а с т о я т е л ь. Так вот, комнатка от этой лжи не загромождается, да и не загромоздится, хотя бы ты еще тысячу раз соврала. Так и душа в раю никакого места не занимает. Словом, в раю могут запросто поместиться целых два мира, не то что один!

А л ь в и д ж а. Все-таки великое дело, когда понимаешь толк в Писании! Ладно, а теперь, святой отец, мне хотелось бы узнать от вас еще две вещи: во-первых, суждено ли моей наставнице попасть в райскую обитель, и, во-вторых, жив ли еще турка или нет?

Н а с т о я т е л ь. Что касается первого, то твоя наставница пробудет в чистилище двадцать пять дней или около того, затем будет отправлена на пять или шесть дней в преддверие ада, а уж после этого *dextram patris coeli coelorum*.

А л ь в и д ж а. Однако говорили обратное — что она уже осуждена.

Н а с т о я т е л ь. Мне ли не знать?

А л ь в и д ж а. Змеиные языки!

Н а с т о я т е л ь. Что же касается пришествия турки, то все это враки. А если бы он даже и пришел, тебе какое дело?

А л ь в и д ж а. Какое мне дело? Мне? Быть посаженной на кол мне никак не улыбается. Сажать бедных бабенок на кол! Что это для вас, шуточки, что ли! Я прихожу в отчаяние от одной мысли, что нашим преподабным отцам и в самом деле хочется, чтобы их посадили на кол.

Н а с т о я т е л ь. Из чего ты это заключаешь?

А л ь в и д ж а. Из того, что они не принимают никаких мер. А ведь люди-то говорят — «вот он, вот он!».

Н а с т о я т е л ь. Пустое болтают! Однако ступай с Богом, я тороплюсь. Мне надо поспеть на почтовых в Веруккио помочь сцапать жида — музыканта графа Джан Мария. На исповеди он признался, что замышляет бунт — чтоб с него живым шкуру содрали, — ну а я, понятно, выдал его!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

А л ь в и д ж а, одна.

А л ь в и д ж а. С Богом! В конце концов, эти монахи всюду суют свой нос. А разве они не кажутся святыми с их умильными ужимками? И кто им не поверит, глядя на их ноги, стертые сандалиями, и на чресла их, опоясанные вервием, кто не поверит их вкрадчивым словам? Но надо же обладать добродетелью, если хочешь спасти свою душу так, как спасла ее моя наставница. Обдумав все толком, я, пожалуй, даже предпочла бы, чтоб ее сожгли. Ведь на том свете она мне будет такой же хорошей заступницей, как и на этом. Однако мне надо найти Россо.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Г р и л л о, один.

Г р и л л о. Я должен отыскать магистра Меркурио, самого компанейского человека и величайшего затейника во всем Риме, ибо мастер Андреа убедил мессера Мако, что этот Меркурио и есть тот врач, который ведает формами для отливки придворных. Однако, клянись честью, вот и он сам!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Магистр Меркурио, Г р и л л о.

Магистр Меркурио. В чем дело?

Г р и л л о. Дело коварное! Появился здесь гусь лапчатый, некий сиенец, который хочет сделаться кардиналом, и мастер Андреа убедил его, что вы и есть тот врач, который ведает формами по отливке кардиналов и придворных.

Магистр Меркурио. Можете не говорить. Один из его слуг, который рассердился на него и теперь ищет нового хозяина, мне уже все рассказал.

Г р и л л о. Ну и как? Здорово?

Магистр Меркурио. Давайте поместим его в один из тех больших котлов, куда наливают воду, а предварительно я заставлю его принять еще здоровенную дозу пилюль.

Г р и л л о. Ха-ха-ха! А ну, живо за дело! Ведь мессер Приам и мастер Андреа нас уже ждут.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мастер Андреа, мессер Мако, магистр Меркурио,
Г р и л л о.

Мастер Андреа. О цене мы договорились, и мессер Мако решится принять пилюли с мужеством, достойным сиенца.

Мессер Мако. Эти пилюли заставляют меня призадуматься, сильно призадуматься.

Магистр Меркурио. *Pilularum Romanae Curiae sunt dulciora.*

Грилло. Святых величай, а чертей не замай.

Мессер Мако. Почему ты это говоришь?

Грилло. Разве вы не слышите, что врач ругается, как азартный игрок?

Мессер Мако. Он говорит как ученый, скотина! Займитесь мною, *domine mi.*

Магистр Меркурио. *Dico vobis, dulciora sunt Curiae Romanae pilularum.*

Мессер Мако. *Nego istam.*

Магистр Меркурио. *A progressus herbis, et in verbis, sic inquit, totiens quotiens aliquo cortigianos diventare volunt, pilularum accipere necessitatis est.*

Мессер Мако. *Cortigianos?* Петрарка так не говорит.

Мастер Андреа. Говорит в тысячах мест.

Мессер Мако. Это правда. Петрарка так говорит в сонете: «Настолько нить тонка».

Мастер Андреа. Вы учение самого Роланда.

Магистр Меркурио. Словом, вашей синьории сиенские ягоды знакомы?

Мессер Мако. Да, мессер.

Магистр Меркурио. Сиенские ягоды то же самое, что римские пилюли.

Мессер Мако. Если римские пилюли то же самое, что сиенские ягоды, я их проглочу хоть бочку.

Грилло. Не обижай свою дочку.

Мессер Мако. Что ты говоришь?

Грилло. Говорю, что будет как раз точка в точку, если вы поспешите, и я мог бы пойти и проверить, что подделывают формы, которые для вас заготовлены.

Мессер Мако. Тогда иди же и выбери самые подходящие.

Грилло. Иду.

Мессер Мако. Послушай! Отбери самые красивые, какие там есть.

Грилло. Самые что ни на есть красивые!

Мессер Мако. Знаешь что, Грилло! Смотри только, чтобы никто не сделался придворным раньше меня.

Грилло. Не беспокойтесь.

М а с т е р А н д р е а. Не забудь весы. Ведь как только мы его отольем, необходимо его взвесить, чтобы заплатить по количеству фунтов согласно распоряжению «Горностая».

Г р и л л о. Не беспокойтесь, не обвесим.

М а с т е р А н д р е а. А как только вы сделаетесь придворным и кардиналом, вам останется только одно — поклясться, что вы меня не оставите своими милостями, ибо стоит только человеку оказаться при дворе, как он тотчас же поворачивается к вам тылом и из ученого, мудрого и хорошего превращается в невежду, дурака и злодея. Стоит только любому негодяю слышать вокруг себя шуршание шелков, как уж больше он ни на кого не смотрит и считает своим смертным врагом всякого, кто сделал ему приятное, ибо ему стыдно признаться, что он когда-то был в нужде... Так что уж лучше поклянитесь...

М е с с е р М а к о. Даже могу коснуться рукой вашего подбородка.

М а с т е р А н д р е а. Детские забавы! Клянитесь!

М е с с е р М а к о. Клянусь благословенным Крестом Господним!

М а с т е р А н д р е а. Это бабья клятва.

М е с с е р М а к о. Клянусь святым Евангелием и всеми евангелиями!

М а с т е р А н д р е а. Так выражается мужичье.

М е с с е р М а к о. Клянусь Верой Господней!

М а с т е р А н д р е а. Слова, достойные грузчика.

М е с с е р М а к о. Клянусь собственной душой!

М а с т е р А н д р е а. Выражение лицемеров.

М е с с е р М а к о. Клянусь телом вселенной!

М а с т е р А н д р е а. Хреновина!

М е с с е р М а к о. Вы хотите, чтобы я сказал — Телом Господним?

М а г и с т р М е р к у р и о. Святых величай, чертей не замай, как только что сказал Грилло.

М е с с е р М а к о. Хочу ублажить магистра, ей-богу, хочу.

М а с т е р А н д р е а. Разве я не говорил вам, что придворный должен уметь ругаться?

М е с с е р М а к о. Да, но я забыл, ей-богу, забыл.

М а г и с т р М е р к у р и о. Не будем терять время, а то формы остынут, да и дрова в Риме чертовски дороги.

Мессер Мако. Если вы подождете, я пошлю в Сиену за целым возом.

Мастер Андреа. Ха-ха-ха! Ну и дурак же!

Мессер Мако. Что вы говорите?

Магистр Меркурио. Что из вас выйдет преизряднейший придворный.

Мессер Мако. Премного вам благодарен, доктор!

Грилло. Пилюли и формы вас ждут.

Мессер Мако. А где сейчас луна?

Магистр Меркурио. In Colocut.

Мессер Мако. Если она не на пятнадцатом своем дне, то этого достаточно.

Магистр Меркурио. Пожалуй, уже год, как она там была.

Мессер Мако. Значит, я могу принять ягоды *sine timore influxi*?

Магистр Меркурио. Конечно.

Мастер Андреа. Входите, залезайте сюда.

Мессер Мако. Вхожу, лезу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Альвиджа и Россо.

Альвиджа. В чем дело, Россо ты немазанный?

Россо. Я уж думал, ты совсем сгинула.

Альвиджа. У меня прямо-таки ноги отнялись... Я разговаривала со своим исповедником и узнала, когда в августе бывает Богородица.

Россо. А зачем тебе это знать?

Альвиджа. А затем, что я принесла обет, что буду в канун ее поститься. А затем я попросила истолковать мне сон и заказала помянуть в проповеди чудеса, которые творила моя наставница. Ходила к Пьемонтеске, она скинула, — ты уж помалкивай. Затем взглянула на ножище Беатриче... ух ты! Как ни в чем не бывало! А потом выхлопотала для Паньины местечко в монастыре «обращенных», но так и не попала к Святому Джанни, чтобы навестить испанку Ордегу, которую замуровали за то, что дон Диего сходил по ней с ума.

Россо. Об этой сплетне слыхал.

А л ь в и д ж а. Прodelав все это, я наспех выпила в «Зайце» стакан корсиканского вина и вот теперь к твоим услугам.

Р о с с о. Альвиджа, нас — двое, и мы — одно... Когда бы ты захотела оказать мне услугу, простую, несколько слов — и все, то клянусь кровью Непорочной Девы и благословенным, священным... я весь тебе отдамся, телом и душой.

А л ь в и д ж а. Если дело в нескольких словах — дело в шляпе.

Р о с с о. Только в два-три слова, ничего больше.

А л ь в и д ж а. Говори, не стыдись.

Р о с с о. Стыдиться тут, в Риме? О!

А л ь в и д ж а. Да говори же скорей!

Р о с с о. Я колеблюсь, ибо еще никогда не доставлял тебе никакого удовольствия. Пусть ожерелье будет целиком твоим.

А л ь в и д ж а. Приму и не приму. Приму в том случае, если окажу тебе услугу, а если не окажу, то и не приму.

Р о с с о. Ты говоришь как сивилла. Но знаешь ли ты, в чем дело? Я хочу напакостить Валерио. Если хозяин на него прогневается, я буду самым главным, а это выгодно для тебя и для меня.

А л ь в и д ж а. Понимаю. Значит, дело за мной? Так-так. А знаешь, я нашла способ выжить его из дому.

Р о с с о. Какой?

А л ь в и д ж а. Сейчас скажу.

Р о с с о. Подумай хорошенько и скажи. Ведь если только отправить его к свиньям, я стану dominus dominantium.

А л ь в и д ж а. Вот тебе средство...

Р о с с о. Сердце замирает...

А л ь в и д ж а. Ничего, сейчас оно снова забьется.

Р о с с о. Немного отлегло.

А л ь в и д ж а. Я скажу, что твой Валерио открыл брату Ливии, Лиелло ди Риенцо Мациенцо капо Ваччина, что я развращаю его сестру. Всем же ведомо, что в Риме нет более свирепого человека. Знает это и твой хозяин после того, как мессер Лиелло спалил дверь у знаменитой «Мама не велит».

Р о с с о. О, что за государственный ум! Что за дальновидность! Это преступление, что до сих пор ты

еще не владетельная княгиня ди Конето, ди Пало, ди Мальяна и прочая, и прочая. Вот и хозяин, Альвиджа; in te, Domine, speravi. Да и я постараюсь вовремя поддакнуть.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Параболано, Альвиджа, Россо.

Параболано. Что делает моя богиня?

Альвиджа. Моя доброта этого не заслужила.

Параболано. Помоги мне, Господи!

Россо. Это был поступок мерзавца...

Параболано. В чем дело?

Альвиджа. Иди-иди, Россо, по своим делам!

Россо. Что до меня, я плюю на всех, но мне жалко эту бедняжку.

Параболано. Не мучьте меня!

Россо. Ваш Валерио...

Параболано. Что сделал мой Валерио?

Россо. Ничего.

Альвиджа. Знаете, что сделал этот мерзавец? Он пошел и сказал брату Ливии, что будто Россо и я задумали развратить его сестру.

Параболано. Что я слышу?

Россо. А надобно бы вам сказать, что брат ее самый отчаянный головорез во всем Трастевере; он уколошил десятка четыре стражников, пять или шесть приставов, а вчера избил двух часовых. Он носит оружие назло губернатору. И вот с этим-то Риенцо, который своим мечом раскромсал четки паломника, вам, быть может, предстоит сразиться. Дай-то Бог, чтобы и ваша милость вышли сухим из воды.

Параболано. Я в ярости! Не удерживайте меня! Сейчас же пойду и вгоню мерзавцу кинжал в самое сердце! Не удерживайте меня!

Альвиджа. Тихо, спокойно! Главное — притворство, сдержанность, только не бешенство!

Параболано. Предатель!

Россо. Не горячитесь, не то он услышит, и получится еще большая неразбериха.

Параболано. Убийца!

Альвиджа. Только не упоминайте моего имени. Заклинаю вас честью Ливии!

П а р а б о л а н о. Я вытащил его из грязи и положил ему жалованье в целых пятьдесят скуди.

Р о с с о. Он получает княжеское содержание.

П а р а б о л а н о. А скажите, смогу я все же заполучить мою Ливию? Вы молчите?

Р о с с о. Она молчит, ибо сердце ее разрывается от невозможности вам угодить.

П а р а б о л а н о. Упроси ее, Россо, дорогой, уговори ее, иначе я умру.

Р о с с о. Сварите меня живьем, синьор, изжарьте меня, я ваш верный раб, но Альвиджу я нипочем не сумею заставить. Ведь лучше быть живым ослом, чем мертвым епископом.

А л ь в и д ж а. Не отчаивайтесь, дорогой синьор, я твердо решила пойти на костер, только бы ублажить вашу милость. Что мне терять? Если ее братец меня прикончит, у меня больше не будет никаких забот и я не буду больше жаловаться на нищету. Хоть бы кусок хлеба найти, чтобы не подохнуть с голоду.

П а р а б о л а н о. Съешьте этот алмаз.

Р о с с о. К черту. Они отравленные.

А л ь в и д ж а. Откуда ты знаешь?

Р о с с о. Мне это говорил мантуанец Майнольдо, католический рыцарь, папский ювелир и дьявольский сумасброд. Я у него служил. О, это великая бестия!

П а р а б о л а н о. Возьмите его, матушка.

А л ь в и д ж а. Премного благодарна вашей милости. Пойдемте же наверх, в дом. А ты, Россо, обожди нас тут.

Р о с с о. Жду.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Р о с с о, один.

Р о с с о. «Осел, возомнивший себя горным оленем, теряет друга и никогда не имеет денег», — говорил Месколино из Сиены. Я ведь всегда расплачивался с тобой за сырое тесто испеченным хлебом, мессер простофиля. Знаю, что ты отправишься в Тиволи корчить из себя синьора, бык ты разряженный! И чем только от него не несло! Каждому говорил он пакости и каждого считал за скотину и всегда рассуждал о войне, словно он ни

дать ни взять как сам светлейший синьор Джованни дей Медичи. А если кто ему возражал, он сразу же на него бросался, обзывал его то неслыханным ослом, то неслыханным дураком. Да сам церемониймейстер не проделывает вокруг папы во время службы в капелле столько поповских ужимок, сколько он, когда что-то говорит или кого-то выслушивает. Он лютой ненавистью ненавидит каждого, кто перед ним не ломает шапки и не отвечает ему «да, синьор» или «нет, синьор». Он корчит из себя королевского сановника, словно Франциск, король Франции, хоть сколько-нибудь считается с подобного рода проходимцами. Жалкое отродье, недостойное причисывать собак его величества! Говорил я нашему Валерио, который возомнил себя равным самому папе и который обозлился на родного брата за то, что тот не величал его в своих письмах «милостивым государем»: «Не удержаться тебе в синьорах, негодяй, хоть ты, мерзавец, и богат».

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

А л ь в и д ж а, Р о с с о.

А л ь в и д ж а. С кем это ты шушукаешься?

Р о с с о. Сам с собой. Ну как наши планы?

А л ь в и д ж а. Отлично, отлично. Пинками, кулаками... рвал бороду, к черту посылал, да еще и похуже...

Р о с с о. А тот осел что отвечал?

А л ь в и д ж а. «За что это вы, синьор? Что я такого натворил?»

Р о с с о. А что говорил хозяин?

А л ь в и д ж а. «Ты сам отлично знаешь, гнусный предатель».

Р о с с о. Ха-ха-ха!

А л ь в и д ж а. Как тебе кажется, ожерелье я заслужила?

Р о с с о. Да и алмаз с крестным знаменiem и благословением в придачу.

А л ь в и д ж а. Да, сейчас твоего хозяина *можно убедить в чем угодно; к примеру, что мир Божий состоит из одних лестниц. Недаром говорят, что влюбленный человек впадает в детство. Однако хозяин твой должен

быть у меня в семь с четвертью. Мешкать нельзя, надо бежать домой. Будь здоров.

Россо. Ну и чертовка! Ну и ведьма! Какой же пробы должна была быть наставница, если такова ученица... Я здесь, хозяин!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Параболано, Россо.

Параболано. Так-то Валерио мне благодарен?

Россо. Черт знает что, просто неохота ябедничать.

Параболано. На галеры его! Я это твердо решил.

Россо. Да только за один яд, который...

Параболано. Это еще что? Яд?..

Россо. Яд, который он купил, и прочее...

Параболано. Э, да тут уже дело пахнет трибуналом инквизиции.

Россо. А шлюхи, мальчики, карты...

Параболано. А еще что?

Россо. Он такое сочиняет о вашей родне, о вашей тетушке...

Параболано. Только этого не хватало.

Россо. Он говорит, что вы его притесняете, унижаете, не кормите.

Параболано. Сколько слуг, столько врагов.

Россо. Он обвиняет вас в невежестве, неблагодарности, зависти...

Параболано. Врет, собака! Передаю дом в полное твое ведение.

Россо. Если и не справлюсь, то по крайней мере буду верным слугой. Я человек не завистливый и худа никому не желаю. Раз он провинился, накажите его, и баста. Альвиджа свое дело сделает, но что вы скажете своей возлюбленной при первой встрече?

Параболано. А что бы ты сказал?

Россо. Я разговаривал бы руками.

Параболано. Ха-ха-ха!

Россо. Сущее предательство, что она вас не увидит при свете.

Параболано. Почему?

Р о с с о. По правде говоря, потому, что где еще найти подобных вам? Что за глаза, что за брови, что за рот, что за зубы, что за дыхание! Ваша милость обладает удивительной грацией, и я говорю это не из лести. Клянусь Богом, когда вы проходите по улице, женщины готовы выброситься в окошко. Эх, почему я не женщина?

П а р а б о л а н о. Что бы ты сделал, если бы был женщиной?

Р о с с о. Я завоевал бы вас либо умер.

П а р а б о л а н о. Ха-ха-ха!

Р о с с о. Если ваша милость желает ехать верхом, кобыла наготове.

П а р а б о л а н о. Надо бы поупражняться.

Р о с с о. Не переутомляйтесь, ибо помните, что любовные игры требуют мужчин сильных.

П а р а б о л а н о. Так, значит, ты меня считаешь слабым?

Р о с с о. Нет, но я хочу, чтоб с Ливией вы были на высоте.

П а р а б о л а н о. Пройдемся до храма Мира.

Р о с с о. Как вашей милости будет угодно.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

В а л е р и о, один.

В а л е р и о. Однако я споткнулся о соломинку и, так сказать, сломал на этом шее. Мой синьор на меня обрушился и словом и делом, и я не могу себе представить за что. Наверняка какой-нибудь завистник что-нибудь ему обо мне наплел. И что это синьоры так легко доверяют любой сплетне? Не доискавшись истины, они сразу же делают и говорят все, что им вздумается, без оглядки и рассуждений. Что за натура нынешних господ, что за жизнь у слуг и что за нравы при дворе! Господа ни с чем не считаются, слуги же всегда вверяют свою судьбу чужому непостоянству, а двор не находит большего удовольствия, как доводить того или другого до отчаяния укусами зависти, которая родилась, когда родился двор, и умрет вместе с ним. Что касается меня, то я ни о чем другом не мечтаю, как только уйти на покой. Единственное, что меня огорчает, так это то, что

я ухожу в немилости от человека, который сделал меня таким, каков я есть, а из-за ухода я прослыву неблагодарным. Всякий будет волен сказать: «Как это, добрый Валерио так разбогател на службе и вдруг повернулся спиной к своему хозяину?» Вот почему я вне себя, а вовсе не от незаслуженной обиды. Ибо тот, кто служит, всегда вынужден терпеть гнев и раздражение хозяина, подобно тому как вынужден был бы терпеть гнев и раздражение родного отца. Но я теряюсь, ломаю себе голову, разгадывая, что восстановило его против меня. Быть может, неразделенная страсть толкнула его выместить все на мне? Верно, так оно и есть. А потому повременю-ка я, посмотрю, чем все это кончится, буду покорным, а там да будет воля Божья! Пойду попытаюсь разузнать у челяди, в чем дело.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

А л ь в и д ж а и Т о н ь я.

А л ь в и д ж а. Эй, открой!

Т о н ь я. Кто там?

А л ь в и д ж а. Это я.

Т о н ь я. Кто — я?

А л ь в и д ж а. Я, Альвиджа.

Т о н ь я. Подождите, сейчас.

А л ь в и д ж а. Рада, что застала тебя, дорогая дочка.

Т о н ь я. Какой счастливый ветер занес вас сюда?

А л ь в и д ж а. Я так извелась эти дни проклятыми постами, что сама себя не узнаю. *Gratia plena! Dominus tecum.*

Т о н ь я. Вы вот все молитвы читаете, а я и в приход свой больше не хожу, и доброго ничего не делаю.

А л ь в и д ж а. *Benedicta tu.* Я более других грешна, — *in mulieribus.* Знаешь, что я тебе скажу?

Т о н ь я. Нет, мадонна, не знаю.

А л ь в и д ж а. В пять часов ты зайдешь ко мне домой, я хочу по пояс приобщить тебя к настоящим синьорам, — *et benedictus ventris tuis* — да и еще кое-что от меня получишь, не то что третьего дня — *nunc et in hora.* Послушай меня, — *mortis nostrae* — и больше не раздумывай, *Amen.*

Тонья. Я готова сделать для вас все. Мой пьян-чужка так себя ведет, что я готова на любую пакость.

Альвиджа. И мудро поступишь — *Pater noster*. Переоденься в мужское платье, ибо эти конюхи — *qui es in coelis* так по ночам балуются — *sanctificetur nomen tuum*, — что мне не хотелось бы, чтобы ты нарвалась на тридцать первого, — как попалась Андже́ла с мавром — *in coelo et in terra...*

Тонья. Ой, а вот и мой муженек.

Альвиджа. Не теряйся, дура, — *panem nostrum quotidianum da nobis hodie*. Если не ошибаюсь, дочка, на этой неделе нет другого праздника, кроме «стояния» у Сан-Лоренцо, что за стенами.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Арколано, Тонья, Альвиджа.

Арколано. О чем это вы?

Альвиджа. *Debita nostra debitoribus*. Мона Антония меня спросила, когда будет «стояние» у Сан-Лоренцо, что за стенами, — *sic nos dimittimus*.

Арколано. Не нравятся мне ваши шашни.

Альвиджа. *Et he nos inducas*. Добрый человек, ведь надо же когда-нибудь подумать и о душе, — *in tentatione*.

Арколано. Ишь какая совестливая стала!

Тонья. А ты воображаешь, будто мы все такие нехристи, вроде тебя. Ты же ни к обедне, ни к утрене носа не кажешь.

Арколано. Молчи, стерва!

Тонья. Душа твоя — помело мое.

Арколано. Коли возьму лопату...

Альвиджа. Не сердись, — *sed libera nos a malo*.

Арколано. А тебе, старуха, знаешь что я скажу?

Альвиджа. *Vite dulcedo*, — что скажешь?

Арколано. Берегись, если я тебя еще раз застану с этой наглой бабенкой... ты доведешь меня до греха!

Альвиджа. *Lagrimarum valle*, — я больше сюда ни ногой, хоть ты меня озолоти, — *a te suspiramus...* Господу ведомо, сколь я добра и каковы мои истинные намерения. Мона Антония, непременно приходите на

«стояние», как я вам говорила. Видно, сам дьявол опутал вашего мужа, — *clementes et flentes*, надо за него помолиться.

Тонья. Вино его опутало. Я приду.

Арколано. Куда ты придешь?

Тонья. На «стояние», для доброго дела. Оглох, что ли?

Арколано. А ну, живо домой!

Тонья. Ну и пойду домой! А что дальше?

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Арколано, один.

Арколано. У кого козы, у того рога. В поговорке всегда зарыта истина. Жена у меня препаршивая. Я давно заметил, что она норовит устроиться повольготней. Проклятая старуха тычет мне моими правами. Хорошо бы нынче в ночь прикинуться пьяным — мне это нетрудно — и подсмотреть, что это у них за «стояние». Слышишь меня? Эй, Тонья!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Тонья и Арколано.

Тонья. Чего тебе?

Арколано. Иди сюда.

Тонья. Ну?

Арколано. Не жди меня к ужину.

Тонья. Эка невидаль, а когда ты приходил к ужину?

Арколано. Не твоего ума дело.

Тонья. Лучше бы посидел дома, отдохнул бы от кабаков да шлюх.

Арколано. Не морочь голову.

Тонья. И такую бестию черт миновал! Вот напоролся бы на шлюху, которая наградила бы тебя по заслугам!

Арколано. Молчи, язык твой без костей!

Тонья. А я, несчастная, должна терпеть этого скота!

Арколано. Посмей только еще выглядывать из окон и заманивать прохожих!

Т о н ъ я. Ты думаешь, я из таких, паршь свинячья.

А р к о л а н о. Ну я пошел.

Т о н ъ я. Катись, да не в добрый час. Долг платежом красен. Ты — с подружками, я — с дружками; ты — с вином, я — с любовью. Достукаешься ты у меня. Ска-тертью дорога, пьяница, ревнивый осел. Чтoб ты сдох!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Р о с с о, П а р а б о л а н о.

Р о с с о. Вы боитесь, как бы солнце и луна в нее не влюбились?

П а р а б о л а н о. Все может быть. Кто знает?

Р о с с о. Я знаю. Судите сами, может природа заставить луну влюбиться в такую женщину, как она?

П а р а б о л а н о. Может быть, ты прав. Ну а солнце?

Р о с с о. Еще того меньше.

П а р а б о л а н о. Почему?

Р о с с о. Потому что оно занято тем, что сушит рубашку Венеры, которую обмочил Меркурий, то бишь Марс.

П а р а б о л а н о. Ты все шутишь, а я вот боюсь, как бы любовью ее не насладились постель, на которой она спит, и дом, в котором она обитает.

Р о с с о. Вы дьявольски ревнивы. Неужто вы полагаете, что постель и дом могут пылать той же страстью, что и вы?

П а р а б о л а н о. Пойдем-ка лучше домой.

Р о с с о. У вашей милости в венах не кровь, а ртуть, потому вы и не находите себе места.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Г р и л л о, один.

Г р и л л о. Ха-ха-ха! Мессер Мако побывал не в формах для отливки придворных, а в котле и опорожнил кишки, как любой, у кого желудок не переносит большой жары. Они его надушили, побрили и переодели, так что он кажется совсем другим. Он прыгает, пляшет, поет и говорит в гнуснейших выражениях такое,

что кажется скорее родом из Бергамо, чем из Сиены. А мастер Андреа делает вид, что поражается каждому его слову, и неслыханными клятвами убеждает его, что он самый отменный придворный из всех, когда-либо им виденных. Мессеру же Мако, поверившему в эти бредни, представляется, что он еще того лучше. Ха-ха-ха! Прямо животики надорвать можно! И он хочет во что бы то ни стало разбить котел, чтобы им не воспользовались для отливки других столь же великолепных придворных. Он посылает меня в Сиену за марципанами и при этом говорит, что, если я тотчас же не вернусь, он меня изрядно вздует. А дожидаться ему придется, пока рак свистнет. Самое же лучшее впереди — ведь они собираются, как только он выйдет, заставить его взглянуть на себя в вогнутое зеркало, искажающее лицо. Вот смеху-то будет! Если бы мне не нужно было идти к мессеру Агостино Киджи, я непременно остался бы поглядеть на эту потеху. Прощай, Россо, я тебя не заметил.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Р о с с о, один.

Р о с с о. Прощай, Грилло, до свиданья! Сгнили бы они от шанкра, все эти любовные похождения, да и все те, кто бросается им навстречу или бегаёт за ними вслед. Я и впрямь состою на побегушках и доставляю девок пред светлые очи моего хозяина, который намеревается сделать меня своим домоправителем. Я скорее согласен бы быть nihil, чем мажордомом. Эти грабители откармливают себя, своих наложниц и наложников теми кусками, которые вытаскивают из наших ртов. Но я знаю одного отпетого негодяя, что отдаёт в рост своему монсеньору деньги, у него же похищенные. Он у него мажордом. О обжоры, о скоты, какая жестокая вещь ваше хозяйничанье! Вы ходите в нужник при ослепительном свете факелов, а мы — по вечерам в темноте; вы пьете божественный нектар, а мы — прокисшее, перебродившее, дешевое вино; вам — отборное мясо, а нам — воловью требуху. Но куда девалась эта неуловимая Альвиджа? И какого черта кричит этот жид?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Жид, Россо.

Жид. Железный лом! Железный лом!

Россо. Хорошо бы облапошить его так, как я облапошил рыбака.

Жид. Железный лом! Железный лом!

Россо. Поди сюда, жид!

Жид. Что прикажете?

Россо. Что это за жилет?

Жид. Он принадлежал кавалеру Брандино. Взгляните, что за атлас!

Россо. Сколько стоит?

Жид. Синьор, примерьте, а потом поговорим о цене.

Россо. Хорошо сказано.

Жид. Снимите плащ. Руку проденьте сюда, вот так. Чтоб не увидеть мне никогда мессии, если он не шит по вашей мерке! Такого атласа теперь уже не достать.

Россо. Правда?

Жид. Пусть Бог не допустит меня по субботам в синагогу, если он не сидит на вас как литой.

Россо. А теперь о цене. Если ты поступишь по чести, я куплю у тебя еще и эту монашескую рясу для одного из моих братьев, которого я держу в Арачели.

Жид. Если возьмете и рясу, я готов вам уступить. Знайте, что я состоял послушником при преподобнейшем Арачели.

Россо. Тем лучше. Только знаешь, мой брат складно сложен, и я хочу взглянуть, как эта ряса сидит на тебе, а там уж сторгуемся.

Жид. Согласен. Хочу, чтобы свои денежки вы тратили наверняка.

Россо. У тебя шнурок упал. Теперь натяни капюшон. Клянусь честью, ряса что надо!

Жид. А сукно-то одно чего стоит!

Россо. Сукно изрядное. Знаешь, ты мне нравишься, и я придумал для тебя хорошее дело.

Жид (*в сторону*). Только бы, зараза, не обманул.

Россо. Хочу, чтобы ты сделался христианином.

Жид. Вижу, что вам охота побалагурить. Вы верите в своего Бога, я — в своего. Если хотите купить эти вещи — одно дело, если побалагурить — другое.

Р о с с о. Вот черт! Облагодетельствуешь вашего брата — сразу согресишь. Разве о балагурстве идет речь? Балагурство — последнее дело.

Ж и д. Давайте сюда жилет!

Р о с с о. Слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты стал христианином по трем причинам.

Ж и д. Говорю вам, снимайте жилет.

Р о с с о. Да слушай же меня, скотина! Если сделаешься христианином, ты в день своих крестин первым делом огребешь полную миску денег, а потом еще весь Рим сбежится поглазеть на тебя в оливковом венке, что тоже неплохо.

Ж и д. Вам-то хорошо зубоскалить.

Р о с с о. Вторая причина — ты будешь есть свинину.

Ж и д. Меня это мало волнует.

Р о с с о. Мало волнует? Да если бы ты отведал хлеба с маслом, ты бы ради этого отрекся от тысячи мессий. О! Что за божественная музыка, когда держишь бутылку между ног и мажешь маслом хлеб, и ешь, и пьешь!

Ж и д. Отдайте мне мой жилет! Я спешу.

Р о с с о. И последняя — ты не будешь носить красного клейма на груди.

Ж и д. Какое это имеет значение?

Р о с с о. Имеет, ведь испанцы всегда готовы вас распять из-за этого клейма.

Ж и д. Почему распять?

Р о с с о. Потому что с таким клеймом вас можно принять за испанцев.

Ж и д. Однако есть же разница между ними и нами.

Р о с с о. Наоборот — с этим клеймом нет никакой разницы. К тому же, не будь у вас этой жидовской отметины, детишки не донимали бы вас с утра до ночи, не забрасывали бы вас корками апельсинов, тыква и дынь. Итак, прими христианскую веру, стань христианином, крестись. Третий раз тебе говорю!

Ж и д. Не хочу принимать христианскую веру, не хочу быть христианином, не хочу креститься! Вот и я говорю тебе третий раз.

Р о с с о. Я, мессер жид, как человек порядочный, исполнил свой долг и облегчил свою совесть. Теперь дело за тобой, ибо ничего больше сделать для тебя я не могу. А теперь, сколько хочешь за все это барахло?

Ж и д. Двенадцать дукатов.

Р о с с о. Золотом или в карлинах?

Ж и д. Разумеется, в римской монете.

Р о с с о. Повернись-ка малость, я посмотрю, как она со спины.

Ж и д. Так?

Р о с с о. Стой смирно. Что это? Моль?

Ж и д. Ничего подобного.

Р о с с о. Подожди, не шевелись!

Ж и д. Я не шевелюсь, можете смотреть сколько вам угодно.

Россо убегает в жилете, жид в монашеской рясе бежит за ним.

Караул! Караул! Держи вора! Хватай его!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Пристав, стражники, Россо, жид.

П р и с т а в. Стой! Именем закона! Что за шум?

Р о с с о. Синьор капитан, этот монах выходил пьяным из дома какой-нибудь потаскухи или из таверны и бросился на меня, а я, чтобы не связываться с особами духовного звания, пустился наутек. Но если он такой задира и хочет драться, то я уж не посчитаюсь с его духовным саном, будь он хоть сам святой Франциск.

Ж и д. Я не монах, я жид Романелло и хочу получить свой жилет, который на нем.

Р о с с о. Ах ты, грязная, вонючая собака! Так ты еще и издеваешься над нашей верой? Хватайте его, вяжите, тащите его в тюрьму!

Ж и д. Синьор капитан, этот человек — жулик.

С т р а ж н и к. Молчи, жидовская харя!

П р и с т а в. Заковать жида в колодки, посадить на цепь, надеть наручники!

С т р а ж н и к. Будет сделано.

П р и с т а в. И всыпать ему десять плетей нынче же вечером!

С т р а ж н и к. Не хватит десяти — дадим двадцать пять!

Р о с с о. Накажите его, ваша милость. Я так бежал,

что боюсь, не слишком ли я разгорячился. Так и простудиться недолго.

Пристав. Ай! Ай! Ай!

Россо. Я весь в мыле, монах ты проклятый!

Пристав. А ты иди своей дорогой. У тебя лицо порядочного человека.

Россо. К услугам вашей милости.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Россо, один.

Россо. Не кажется ли вам, что пристав здорово разбирается в лицах? Ну и приставы же пошли. Они готовы высечь человека только за то, что он носит при себе перочинный ножичек, и похвалить вора, как похвалили меня за то, что я этого палача назвал капитаном. А теперь разыщу старуху и скажу ей, что жилет мне подарил хозяин, а хозяину — что мне его преподнесла Ливия.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Мастер Андреа, мессер Мако, магистр Меркурио, с кривым зеркалом.

Мастер Андреа. «Все от Бога, нам и малый ум к лицу», — гласит девиз на круглом щите, который держит Тодескино.

Мессер Мако. О, сколь прекрасным, о, сколь божественным придворным я себя чувствую!

Магистр Меркурио. Другого такого и за тысячу лет не изготовишь.

Мессер Мако. Хочу, хочу за себя постоять, раз я уже стал придворным.

Мастер Андреа. Поглядитесь в это зеркало, но не делайте тех глупостей, которые делал Нарцисс.

Мессер Мако. Погляжу на свое лицо, давайте сюда зеркало! О, что я пережил! Пожалуй, я предпочел бы родить, чем еще раз побывать в форме для отливки придворных.

Мастер Андреа. Взгляните на себя хоть раз.

Мессер Мако. О Боже, Господи! Я весь изуро-

дован! А, грабители, верните мое лицо, верните мне мою голову, мои волосы, мой нос! О! Что за рот! Черт знает что! Что за глаза! Commendo spiritum meum!

Магистр Меркурио. Встаньте. Эта дрожь, этот туман затемняют вам мозги.

Мастер Андреа. Поглядитесь и увидите, что это вам показалось.

Мессер Мако. Гляжу.

Мессеру Мако подносят обыкновенное зеркало.

Будто с того света вернулся. Вот это действительно я так я!

Мастер Андреа. Ваша милость, вы нас обманули, сказали, что вас изуродовали.

Мессер Мако. Меня починили, я стал снова как живой, я стал снова собою. Теперь я хочу быть правителем Рима, хочу содрать шкуру с губернатора, пославшего пристава меня разыскивать. Хочу ругаться, хочу носить оружие, хочу потрошить всех женщин, всех, кто попадется. Уходи, врач! Подойди сюда, учитель, клянусь телом... С тех пор как я стал придворным, ты меня больше не узнаешь? А?

Магистр Меркурио. Всегда к услугам вашей милости. Желаю вам счастья!

Мастер Андреа. Ха-ха-ха!

Мессер Мако. Хочу сегодня же стать епископом, нынче вечером — кардиналом, завтра утром — папой. Ты видишь дом Камиллы? Стучи сильнее.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Бьяджина, мастер Андреа, мессер Мако.

Бьяджина. Кто там?

Мастер Андреа. Отвори синьору.

Бьяджина. А кто этот синьор?

Мессер Мако. Синьор Мако.

Бьяджина. Какой такой синьор Мако?

Мессер Мако. Разрази тебя Господь, трусиха, свинья ты этакая!

Бьяджина. У синьоры гости.

Мессер Мако. Гони их к черту!

Бьяджина. Как? К черту друзей моей госпожи?

Мессер Мако. Да, к черту! Не то не считаешь

затрещин, а хозяйке твоей поставлю тысячу клистиров из ледяной воды.

М а с т е р А н д р е а. Отвори новому придворному.

Б ь я д ж и н а. А, понятно, мастер Андреа, сейчас отворю.

М а с т е р А н д р е а. Дерни за шнурок.

Б ь я д ж и н а. Сейчас.

М е с с е р М а к о. Что она говорит?

М а с т е р А н д р е а. Говорит, что обожает вас.

М е с с е р М а к о. К черту!

Б ь я д ж и н а. Ну и шут гороховый!

М е с с е р М а к о. Что она бормочет?

М а с т е р А н д р е а. Извиняется, но она вас не знает.

М е с с е р М а к о. Хочу, чтобы все меня знали, хочу!

М а с т е р А н д р е а. Входите, ваша милость.

М е с с е р М а к о. И вхожу. Клянусь кровью... Я всех вас упрячу под замок.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Р о с с о, А л ь в и д ж а.

Р о с с о (*стучит в дверь*). Эй, отопри!

А л ь в и д ж а. Это либо сумасшедший, либо кто-то из своих.

Р о с с о (*снова стучит*). Быстрее!

А л ь в и д ж а. Хочешь дверь проломить?

Р о с с о. Отвори, это я, Россо.

А л ь в и д ж а. А я уж думала, что ты хочешь выломать дверь.

Р о с с о. Что ты делала? Колдовала?

А л ь в и д ж а. Сушила в тени всякие коренья, названия которых тебе нельзя знать, и кипятила разные колбы для изготовления живой воды.

Р о с с о. Ты говорила с ней?

А л ь в и д ж а. Да, но...

Р о с с о. Что значит это «но»?

А л ь в и д ж а. Ее муж ревнивый козел...

Р о с с о. Что? Догадывается?

А л ь в и д ж а. И догадывается и не догадывается. Al tandem она придет.

Р о с с о. Говори по-итальянски. Ведь сам магистр дьявольских наук ни черта не смекнет в этих твоих «tamen», «verbi gratia» и «al tandem».

А л ь в и д ж а. Приходится так выражаться, если не хочешь, чтобы тебя считали последней потаскухой. Скажи хозяину, чтобы он был тут ровно в семь с четвертью.

Р о с с о. Один только поцелуй, царица всех цариц, венец всех венцов! Ведь без тебя Рим был бы хуже колодца без ведра. Я пришлю его. Видишь, и я не хуже твоего умею выражаться?

А л ь в и д ж а. Вот проныра!

Р о с с о. Иди, возвращайся к своему вареву. А я побегу разыскивать хозяина. Он наверняка где-нибудь тут поблизости вертится, ибо проныра Амур закрутил его волчком.

А л ь в и д ж а. Можешь не сомневаться.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Р о с с о, П а р а б о л а н о.

Р о с с о. Ба! Он уже тут!

П а р а б о л а н о. Какие новости?

Р о с с о. Самые распрекрасные. Ровно в семь с четвертью вас ожидают в доме блаженной мадонны Альвиджи.

П а р а б о л а н о. Благодарю тебя, Россо, благодарю Альвиджу и благосклонную ко мне судьбу! Тсс... Тссс... Один, два, три, четыре...

Р о с с о. Ха-ха-ха! Это же колокола, а вам показалось, что часы бьют?

П а р а б о л а н о. Черт! Я не доживу...

Р о с с о. Боюсь, что и я свалюсь сейчас от голода...

П а р а б о л а н о. Чего же ты хочешь?

Р о с с о. А вы не думаете, что мне хочется поесть, а не торчать тут в роли брата — хранителя свинцовой печати?

П а р а б о л а н о. Хорошо, что напомнил мне. Ты же знаешь, что сам я питаюсь одними мечтами.

Р о с с о. Я бы питался ими, когда б они были съедобны, эти ваши мечты. Пошли поужинаем.

П а р а б о л а н о. Пойдем.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В а л е р и о, один.

В а л е р и о. Я расстался с одним великим сомнением. Говорю это потому, что верил в соответствие между лицом и языком каждого человека, в соответствие между его сердцем и душой. И эта вера рождалась во мне не только оттого, что я все мог, но и оттого, что я проявлял свое могущество без ущерба для других и наивно полагал, что меня по этим двум причинам не только любят, но даже обожают. И вот теперь я поистине могу сказать: «О вера моя, как ты меня обманула!» Ведь природа столичных нравов развратна, неблагодарна и завистлива! Существует ли на свете такое коварство, существует ли на свете такой обман, существует ли на свете такая жестокость, которые не благоденствовали бы в престольном городе Рима? Стоило синьору косо на меня взглянуть, как тотчас же и любовь и доверие челяди исчезли. С лиц и душ этой челяди слетела маска, которой я так долго обманывался. И каждый, самый подлый раб ненавидит меня, словно ядовитую змею. А если раньше мне казалось, что даже стены домов ко мне благосклонны, то теперь мне сдается, что даже они сторонятся и смотрят на меня косо. А те, кто некогда своими похвалами превозносил меня до небес, ныне повергают меня в бездну своими проклятиями. И каждый из всех сил старается выдвинуться перед хозяином осанкой, видом, проявляя всем своим поведением ту показную человечность, которая обычно бывает написана на лицах тех, кто требует, ни о чем не прося, и чье молчание красноречивее громких воплей и просьб. Каждый своими жестами и всем своим существом силится показать себя достойным того места, которое я занимал. Только об этом они хлопочут и совещаются. Иной, опасаясь, как бы я не вернулся на прежнее свое место, осторожно пожимает плечами, меня не поносит, но и не возносит. Другой же, уверенный, что своего добьется, изничтожает меня без зазрения совести. Потому-то зависть, мать и дочь всякого двора, уже начала натравливать их друг на друга, порождая взаим-

ную ненависть. И тот, кто ближе всего поднимается до той ступени, откуда я был низвергнут, подвергается самым злобным нападкам тех, кто меньше всего может на что-либо надеяться. Словом, каждый возвысившийся благодаря моему падению меня грызет, а себя превозносит. В нынешнем несчастном моем положении я смело уподоблю себя реке, с которой соперничают малые речушки, когда все они, вздувшись от дождей, заливают большой участок земной поверхности, пытаюсь проложить для себя удобное ложе. Но я, уповая на свою невиновность, уверен, что со злыми их кознями случится то же, что случается со слабыми потоками, которые гордятся милостью, оказываемой им солнцем, растопившим горные льды и снега. Но равнина поглощает эти потоки именно тогда, когда они, едва ставши более полноводными, уже возомнили, что над ней торжествуют. И как зависть может быть обезоружена оружием терпения, так и я этим оружием разрублю те путы, которыми сковала меня злая судьба... Я говорю «судьба» потому, что всякая польза и всякий вред всегда случаются по воле судьбы. Теперь же я вернусь домой — там легче переносить невзгоды. А на людях буду притворяться немым, глухим и слепым, то есть буду делать то, что более всего ценится при дворе.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т о н ь я, одна.

Т о н ь я. Интересно, вернется ли этот пьянчуга? Хоть бы он ногу себе сломал. Вот ведь дьявол не догадается прибрать его, покамест он спит да похрапывает в вонючих своих тавернах. Да появится он или нет? Лихой бы смертью подохнуть тому, кто наградил меня таким сокровищем. Чтобы только насолить ему, я с радостью отдамся первому встречному проходимцу. Не я первая, кто так поступает со своим мужем. Вот он, боров проклятый! Хорош! Идет, будто баркас по волнам качается!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Арколано, Тонья.

Арколано (*притворяясь пьяным*). Г-где д-дверь? Д-дом и ок-кошко т-так и п-пляшут, т-того г-гляди, в р-реку с-свалюсь.

Тонья. Дай-то Бог! Вот бы и разбавил вино, которым нажрался!

Арколано. Ха-ха-ха! Б-бомб-бардир, п-приведи п-пса! Хочу, чтобы он т-тебя об-браб-ботал!

Тонья. Чтoб тебя палач обработал! Так бы и задушила тебя собственными руками, ублюдок!

Арколано. О-ох-хо-хо! В-великий ж-жар в-во м-мне с-сидит!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Параболано, Россо.

Параболано. Ожидание пуще смерти.

Россо. Ожидание ужина?

Параболано. Любимого существа, а не ужина.

Россо. Мне показалось, вы сказали — ужина, пусть ваша милость мне простит.

Параболано. Не такая уж большая это ошибка, Россо, она не требует прощения. Тсс! Один, два, три!

Россо. Вы бредите. Это повар возится со сковородкой, а вовсе не бой часов. Чтoб им пусто было, этим бабам, да будут они прокляты, убийцы! Подумайте только, до чего могут они довести мужчину, который годами пробыл в их власти, если тот, кто даже взглянуть-то на них толком не успел, теряет голову!

Параболано. Идем домой, мне кажется, что час уже настал. Надо спешить.

Россо. Даже большие надутые шары, у которых вместо мозгов воздух, и те спятели бы.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тонья, в одежде мужа, одна.

Тонья. О Боже! Почему я не мужчина, как кажусь в этом платье? Разве не величайшее несчастье родиться женщиной? И к чему мы годны? Шить, прясть

и целый год сиднем взаперти сидеть. А для чего? Чтобы нас смертным боем лупили и целыми днями поносили. И кто бы еще? Этакий лентяй вроде моего забулдыги. О, мы бедняжки! Сколько же приходится нам терпеть! Если твой мужик играет и проигрывает — тебе же от него влетает; если у него нет денег — все вымещается на тебе; если его развезет от вина — виновата ты. В довершение же всех наших бед они так ревнивы, что достаточно мухе пролететь, как им уже кажется, будто кто-то с нами что-то сделал или нам что-то сказал. И не будь у нас достаточно смекалки, чтобы суметь развлечься на стороне, нам ничего не оставалось бы, как наложить на себя руки. Грешно сказать, но даже проповедник вкупе с мессером Господом Богом не могут о нас порадеть. Ведь не по своей, а по Божьей воле удостоилась я подобного мужа. Так в чем же состоит мой грех? Если исповедник наложит на меня покаяние за то, что я делаю, я скорее подохну, чем прочитаю хотя бы одну молитву. Подумать только! Налагать покаяние на несчастную, у которой муж пьяница, игрок, блудлив, таскается по кабакам и при этом ведет себя как собака на сене! Дурак! Мы за себя еще постоим, смею тебя уверить. Альвиджа, наверное, уже ждет меня. Пройду-ка я к ней черным ходом. Но что это там за человек?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мастер Андреа, один.

Мастер Андреа. Мой-то мессер-поганец накинуся на Камиллу, как коршун на добычу, и объежняется ей в любви с прибавлением стольких «ей-богу» и «целую ваши ноги», скольких наверняка не понадобилось бы и какому-нибудь горячему испанцу дону Санчо. Он хвастается по-неаполитански, вздыхает по-испански, смеется по-сиенски, молит по-придворному, а совокупляться хочет сразу всеми способами, которые только известны в подлунном мире, так что синьора лопается от смеха. Но вот и Дзопино. Послушай, ты исчез, словно мясо с людского стола!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дзоппино, мастер Андреа.

Дзоппино. Я исчез потому, что чудачества твоего сиенца столь глупы, что проку от них чуть.

Мастер Андреа. Клянусь Богом, ты прав, они и мне до смерти надоели.

Дзоппино. А знаешь ли, чем может все это кончиться?

Мастер Андреа. Чем?

Дзоппино. Поводившись с ним, мы превратимся в таких же болванов, как и он. А ну-ка, обменяемся плащами и шапками да вломимся в дом этой синьоры, крича как разбойники. От страха он выскочит в окно. Ноги он себе не переломает, а страху натерпится.

Мастер Андреа. Хорошо придумано! Возьми мой плащ и дай мне свой.

Дзоппино. А теперь еще обменяемся шапками.

Мастер Андреа. Даже и без переодевания он все равно бы нас не узнал. Настолько он глуп.

Дзоппино. Взламывай дверь, шуми, угрожай, кричи по-испански!

Мастер Андреа. Эй, негодяй, предатель, собачий выродок!

Дзоппино. Вот я тебе, блудливый пес!

Мастер Андреа. На виселицу его, на виселицу!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мессер Мако, выскакивает из окна в нижней одежде.

Мессер Мако. Я мертв, караул, караул! Испанцы продырявили мне шпагой зад. Куда бежать? Где спрятаться?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Параболано и Россо, прибежавшие на шум.

Параболано. Что это, Россо? Что тут за шум?

Россо. Я сам хотел спросить у вашей милости.

Параболано. Я ничего не вижу.

Р о с с о. Вернемся наверх, хозяин, это же просто дурацкие штучки каких-то шалопаев. Они прикидываются, будто режут друг друга, а сами лязгают шпагами об стены домов.

П а р а б о л а н о. Бестии!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

А р к о л а н о, в платье жены.

А р к о л а н о. Шлюха, корова, свинья! К монашкам ее, в монастырь! Ох-ох-ох! Ты хоть кровью опростайся, а она все свое! Ничем ее не удержишь! Только я на минуту завел глаза, как она напялила мое платье, а свое бросила на кровать. Не бежать же было за ней в чем мать родила! Вот и пришлось влезть в ее платье. Но я под землей сыщу ее, а сыскав, три шкуры с нее спущу! Пойду-ка сюда, нет, уж лучше туда, а еще лучше — буду ждать ее у моста, куда не появится. Изменница, потаскуха!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

П а р а б о л а н о, Р о с с о.

П а р а б о л а н о. Сколько?

Р о с с о. Не сумею сказать, не считал.

П а р а б о л а н о. Слышишь? Бьют — один, два, три, четыре, пять, шесть.

Р о с с о. Еще немного. Скоро спаритесь с Ливией, как двуглавый орел в австрийском гербе.

П а р а б о л а н о. Не кощунствуй, Россо.

Р о с с о. А вот кто-то с фонарем! Это Альвиджа! Узнаю ее по походке. Она. Конечно, она!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

А л ь в и д ж а, П а р а б о л а н о, Р о с с о.

А л ь в и д ж а. Подружка и возлюбленная ваша уже у меня дома. Ни дать ни взять, как голубка, трепещущая перед соколом. Ваша милость ни в коем случае не должны касаться ее при свете. Но так как она по неко-

торым причинам явилась в мужской одежде, то я боюсь, как бы не вышло скандала...

П а р а б о л а н о. Какого скандала? Я скорее вскрою себе вены, чем позволю себе огорчить ее.

А л ь в и д ж а. Все вы, знатные господа, так говорите, а на деле выходит иначе. Потом будете говорить: «Ничего себе бабенка!»

П а р а б о л а н о. Ничего не понимаю!

А л ь в и д ж а. Зато Россо отлично меня понимает.

Р о с с о. Нет, клянусь Богом!

П а р а б о л а н о. Какой же скандал может возникнуть оттого, что она одета мужчиной?!

А л ь в и д ж а. Кто вас знает. Теперь у великих мира сего разные бывают причуды...

Р о с с о. А, теперь схватываю... Хозяин, она опасается за честь... заднего прохода своей воспитанницы...

П а р а б о л а н о. Да опалит огонь небесный того, кто предается такому пороку!

Р о с с о. Не кощунствуйте так, хозяин.

П а р а б о л а н о. Почему?

Р о с с о. Да потому, что в мире скоро не осталось бы ни одного знатного синьора, ни одного вельможи.

П а р а б о л а н о. Пускай!

А л ь в и д ж а. Словом, я полагаюсь на вашу милость. Подождите меня здесь. Сейчас я вернусь.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Р о с с о, П а р а б о л а н о.

Р о с с о. Вы совсем переменились в лице.

П а р а б о л а н о. Я?

Р о с с о. Вы.

П а р а б о л а н о. Боюсь, что, одолеваемый непомерной любовью, я...

Р о с с о. Что — вы?

П а р а б о л а н о. Не в силах буду и слова сказать.

Р о с с о. Глуп тот мужчина, который боится заговорить с женщиной. У вашей милости лицо белее, чем у тех, кого в Венеции воскрешает из мертвых искусство таких прославленных врачей, как Карло из Фано, как Поло-римлянин и как Дионисий Какуччи из Читта-ди-Кастелло.

П а р а б о л а н о. Кто любит, тот робеет.

Р о с с о. Кто любит, тот получает удовольствие, как получите его вы, и в самое ближайшее время.

П а р а б о л а н о. О, блаженная ночь! Она мне дороже всех счастливых дней, коими упиваются баловни благосклонной Фортуны. Я не поменялся бы с теми душами, которые в горних пределах наслаждаются лицемерием божественного чуда. О, светлое чело, о, священные перси, о, золотые кудри, о, драгоценные персты — сокровища моей единственной, моего феникса! Так, значит, правда, что я удостоился вами любоваться, вас лобызать, к вам прикасаться? О, сладостные уста, украшенные непорочными жемчужинами, уста, дышащие благовониями нектара, разрешите ли вы, чтобы я, заживо объятый пламенем, обмакнул свои иссохшие губы в ту небесную амброзию, которую вы источаете? О, божественные очи, одалживающие свое сияние солнцу, которое прячется в них, как в родном гнезде, всякий раз, как оно завершает свой дневной пробег! Не осветите ли вы вашими благосклонными лучами спальню и не рассеете ли вы тот враждебный мрак, который будет скрывать от меня сей ангельский лик, с тем чтобы я мог созерцать ту, от кого зависит мое благополучие?

Р о с с о. Ваша милость произнесла великолепное вступление.

П а р а б о л а н о. О да! «Великое я сжал в сей маленький пучок».

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

А ль в и д ж а, Р о с с о, П а р а б о л а н о.

А ль в и д ж а. Тише! Ради Бога, тише! Не шевелиться!

Р о с с о. Скажи мне, Альвиджа...

А ль в и д ж а. Тсс! Соседи, соседи нас услышат. Научитесь проходить без шума. Боже! Каким только опасностям мы не подвергаем себя!

Р о с с о. Не бойся.

А ль в и д ж а. Тихо! Тихо! Синьор, дайте руку!

П а р а б о л а н о. Я наверху блаженства.

А ль в и д ж а. Молчите, синьор!

Р о с с о. Я совсем забыл одну вещь.

А л ь в и д ж а. Ты хочешь нас погубить? Нас услышат. Да будет проклята дверь, которая заскрипела!

Р о с с о (*про себя*). Иди, туда тебе и дорога. Ты ею нажрешься до отвала. До отвала нажрешься этой коровьей требухой, которой ты на людской кухне кормишь несчастных твоих слуг. Мне жалко только одного — что сейчас в доме у Альвиджи нет ни «Разрезай горло», ни «Погуби душу», ни «Четвертуй скалы», ни кого-либо еще из тех разбойников, которые могли бы его зарезать, погубить и четвертовать... В чем дело, Альвиджа? Чего ты смеешься? Да говори же! Никак, он уже схватился с синьорой булочницей?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

А л ь в и д ж а, Р о с с о.

А л ь в и д ж а. Он там в комнате и бьет копытом, как жеребец при виде кобылы. Он вздыхает, хвастается и обещает сделать ее папессой.

Р о с с о. Значит, в нем течет неаполитанская кровь, раз он так хвастает.

А л ь в и д ж а. Разве этот мозгляк неаполитанец?

Р о с с о. А разве ты его не знаешь?

А л ь в и д ж а. Нет.

Р о с с о. Он сродни Джованни Анъезе.

А л ь в и д ж а. Кому? Этому козлу, этому наушнику?

Р о с с о. Да, этому проходимцу, этому жулику, этому предателю. Ведь наименьший его порок — это то, что он подл и удит рыбу в мутной воде.

А л ь в и д ж а. Пройдоха! Мерзавец из мерзавцев! Но не будем о нем говорить. Позор даже упоминать о таком проходимце, негодяе и развратнике. А не то и честь свою замарать можно! А ты о чем задумался, Росссо?

Р о с с о. Думаю, что со своим хозяином я поступил не так, как полагается преданному слуге.

А л ь в и д ж а. То есть как это так?

Р о с с о. Надо было сперва испытать Тонью самому!

А л ь в и д ж а. Ха-ха-ха!

Р о с с о. А испытав, можно было бы и удрать из

людской, ибо я дрожу при одной лишь мысли о той несправедливости, которая там царит. Людская для меня страшней тысячи хозяев.

А л ь в и д ж а. А если бы это раскрылось, тебе бы не страшен был гнев хозяина?

Р о с с о. Чего мне бояться? Ноги у меня крепкие, вынесут!

А л ь в и д ж а. Скажи, а разве людская так ужасна, что даже Россо перед ней трепещет?

Р о с с о. Она так ужасна, что испугала бы даже Морганте и Маргутте, не говоря уже о Кастеллаччо, самый скромный подвиг которого заключался в поглощении целого барана, четырех каплунов и сотни яиц за один присест.

А л ь в и д ж а. Он совсем в моем духе, этот твой мессер Кастеллаччо.

Р о с с о. Альвиджа! Пока коршун обжирается падалью, я хочу сказать тебе два словечка об этом милом заведении, именуемом людской.

А л ь в и д ж а. Сделай милость, скажи.

Р о с с о. Если злая судьба заставит тебя заглянуть в людскую, то ты не успеешь войти, как твоим очам предстанет некий склеп, настолько сырой, настолько темный, настолько ужасный, что любая могила выглядит во сто крат веселее. Если тебе довелось видеть тюрьму Корте-Савелла, когда она переполнена узниками, ты узнаешь людскую, переполненную слугами в обеденный час, ибо те, что столуются в людской, подобны этим узникам, и хоть людская похожа на тюрьму, но тюрьмы куда более приятны, чем людские, ибо зимой в них столь же тепло, сколь и летом, людские же летом раскалены, а зимой настолько холодны, что слова застывают во рту, да и запах тюрьмы менее отвратителен, чем зловоние людской, так как запах тюрьмы возникает от людей, которые в ней живут, зловоние же людской — от тех, кто в ней подышает.

А л ь в и д ж а. Недаром ты ее боишься.

Р о с с о. Слушай дальше. Едят на скатерти более разноцветной, чем передник живописца, и, не будь это неприлично, я сказал бы, что в ней больше цветов, чем в тряпках, расписываемых женщинами, больными той самой болезнью, которой, дай Бог, заразиться всем людским на свете.

А л ь в и д ж а. Тьфу, тьфу, ух, ух ты!

Р о с с о. Пусть тебя вырвет на здоровье, это как раз то, чего ты не переносишь. А знаешь, в чем стирают означенную скатерть в начале каждого месяца?

А л ь в и д ж а. В чем?

Р о с с о. В свином сале тех огарков, которые у нас остаются после вечера, хотя чаще всего мы ужинаем без света, и в этом наше счастье, потому что в темноте меньше тошнит от вида той вонючей жратвы, которую нам подают. Проголодавшись, ею насытишься, но, насытившись, приходишь в отчаяние.

А л ь в и д ж а. Покарай Боже того, кто тому причиной!

Р о с с о. Ни Бог, ни сам черт хуже не выдумают. Так можем не заметить ни Пасхи, ни масленицы, но круглый год по любому случаю — одна только «мать святого Луки».

А л ь в и д ж а. Выходит, что вы едите мясо святых?

Р о с с о. К тому же распятых. Но я говорю не к тому, ты же знаешь, что живописцы изображают святого Луку в виде быка, а мать быка...

А л ь в и д ж а. Корова! Ха-ха!

Р о с с о. Приходит пора овощей и фруктов, и когда уже все выбрасывают — и дыни, и артишоки, и фиги, и виноград, и огурцы, и сливы, — то для нас они все равно дороже золота. Вместо фруктов нам выдают четыре ломтика коровьего сыра, настолько сухого и настолько жесткого, что в животе образуется клейстер, способный отправить на тот свет самого Марфорио. А если тебе захочется миску похлебки, то после тысячи просьб повар выдаст тебе миску помоев.

А л ь в и д ж а. Значит, хорошего супа там не дают?

Р о с с о. Хорошего и монахи не имеют. Я уверен, что те, которые ежедневно бегут из монастырей, делают это только потому, что не получают приличного повара.

А л ь в и д ж а. Ты хочешь сказать... Да-да, я тебя понимаю.

Р о с с о. Я имею в виду тех, кто разбавляет супы, подобно тому как двор разбавляет верность тех, кто ему служит. Но кто бы мог пересказать тебе все гнусности, которые над нами проделывает людская кухня во время поста, оставляя нас все время впроголодь ради собственной выгоды, а не потому, что заботится о благе нашей души.

А л ь в и д ж а. О душе лучше помалкивай.

Р о с с о. И у бузины есть душа, она тоже полая. Проходит пост, и вот тебе наш обед: две рыбки на троих на закуску. После этого появляется несколько тухлых и недоваренных сардинок в сопровождении какой-то чечевичной похлебки без соли и без масла, которая заставит нас и от рая отречься. К вечеру мы закусываем десятью крапивными листочками вместо салата, крохотной булочкой, и... кушайте на здоровье.

А л ь в и д ж а. Позор!

Р о с с о. Все это были бы еще пустяки, когда бы людская хоть сколько-нибудь с нами считалась в сильную жару, не говоря об ужасающем благовании, издаваемом кучей костей, покрытых нечистотами, которые никогда не выметаются, и мухами, потомственными гражданками людской, тебя поят вином, разбавленным теплой водой и разбалтываемом в медном сосуде в течение чуть ли не четырех часов до того, как его пригубят. Все это мы пьем из одной оловянной кружки, которую воды Тибра не могли бы отмыть и за год. А во время еды любо смотреть, как один вытирает руки о штаны, другой — о свой плащ, третий — о жилет, а иной — просто о стенку.

А л ь в и д ж а. Хуже и в аду не бывает. Неужели всюду так?

Р о с с о. Всюду. Для пущей же муки все то небольшое и жалкое, что нам перепадает, приходится глотать наспех, как стервятникам.

А л ь в и д ж а. А кто вам мешает есть не спеша?

Р о с с о. Буфетчик, муж почтенный и всеми уважаемый; он палочкой вызванивает музыку, и стоит ему дважды стукнуть, как уже *letamus genua levate*. А самое гнусное то, что мы не только не можем досыта наесться, но и поговорить.

А л ь в и д ж а. Проклятый буфетчик!

Р о с с о. А когда дождешься какого-нибудь праздника, то только и видишь скопище голов, ног, шей, желудков, когтей да косточек, и кажется, что перед тобой процессия, которая в день мастера Паскуино направляется к Святому Марку. И подобно тому как в тот день приходские священники, архипастыри, каноники и подобная им сволочь несут на руках мощи мучеников и проповедников, точно так же и здесь швейцары, буфетчики, поварята и другие вшивые и паршивые челядинцы несут объедки бывшего каплуна или бывшей куропат-

ки, предварительно отобрав лучшее для себя и своих потаскух. Мы же получаем жалкие остатки.

А л ь в и д ж а. Вот и стремись после этого в Рим, ко двору вельмож!

Р о с с о. Альвиджа, не далее как вчера я видел человека, который, услышав колокольчик, глашатая голода, расплакался, словно звон этот возвещал ему смерть родного отца. Я спросил его: «Чего вы плачете?» И он мне ответил: «Я плачу потому, что эти колокольчики своим звоном зовут нас есть хлеб нашего горя, пить нашу собственную кровь и насыщаться собственной нашей плотью, отрезанной от нашего тела и сваренной в нашем поту». И сказал мне это монах из тех, что получают постом по вечерам четыре орешка, в то время как камердинеру их дают три, стремянному — два, а нашему брату — один.

А л ь в и д ж а. Разве монахи тоже столуются в людской?

Р о с с о. Были бы людские, монахи сразу же стали бы в них столоваться. Разве не норовят все попасть в Рим? Вот если бы испанцы...

А л ь в и д ж а. Благословенны руки испанцев.

Р о с с о. Да, если бы только они покарали всех негодяев да развратников, а не добрых людей! Тот же самый монах о четырех орешках, про которого я тебе говорил, клянется, что и после нашествия испанцев вельможи наши богаты по-прежнему. Когда же им ставится на вид, что они не заводят себе слуг или морят голодом тех, которых имеют, то они ссылаются на разгром Рима, а не на собственную подлость.

А л ь в и д ж а. Могу сказать тебе только одно: ты всеведущ... Но что я слышу! У меня в доме шум. Я пропала, я погибла, несчастная! Помолчи! О, твой хозяин поднимает голос, нас раскрыли! И поделом мне, не надо было тебя слушать. Это ты вовлек меня в эту опасную затею!

Р о с с о. Тише! Надо послушать, что он там говорит.

А л ь в и д ж а. Приложи ухо к двери.

Р о с с о. Приложил.

А л ь в и д ж а. Что он говорит?

Р о с с о. «Корова, свинья... мерзавец, предатель... шлюха... воровка!»

А л ь в и д ж а. Кому он это говорит?

Р о с с о. «Корова, свинья» — это он говорит Тонье,

«мерзавец, предатель» — это, разумеется, про меня, а «шлюха, воровка» — конечно, про тебя.

А л ь в и д ж а. Да будет проклят день, когда я с тобой познакомилась!

Р о с с о. Он говорит, что хочет ее высечь, тебя сжечь, а меня повесить. До свиданья!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

А л ь в и д ж а, одна.

А л ь в и д ж а. Убегаешь, скотина! Так мне и надо, старой дуре! Даю обет — если только останусь цела, — что весь март буду поститься каждую пятницу, по десять раз в месяц обойду все семь церквей, буду ходить босиком при всем честном народе, обещаю кипятить воду для неизлечимых, целый год буду ставить клистиры больным госпиталя Святого Иоанна. Буду служить у «Конвертиток», буду целую неделю стирать белье задаром в больнице «Консолацоне»; случалось, я водила святых за нос, но уж на этот раз больше их обманывать не стану. Блаженный архангел Рафаил, заклинаю тебя твоими крылами, помоги мне! Мессер Святой Товий, молю тебя именем твоей рабы, убереги меня от костра! Мессер Святой Юлиан, защити ту, за которую ты всегда предстательствуешь в своей молитве и которая возвращается домой, чтобы там спрятаться.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

П а р а б о л а н о, один.

П а р а б о л а н о. Болван! Доверился какому-то лакею и какой-то беззубой потаскухе! Ну и влопался же я, и поделом. Теперь я понимаю всю глупость таких, как я; только потому, что мы занимаем высокое положение, мы воображаем, что вправе получать все на свете. Ослепленные собственным величием, мы никогда не желаем прислушиваться ни к добру, ни к правде. А так как у нас никогда не бывает никаких забот, кроме как об удовлетворении собственной похоти, нас держат в своих лапах те, кто помогает исполнить наши желания, а тех, кто

напоминает нам о долге, мы ненавидим и гоним от себя. Мой Валерио может это подтвердить. Я опозорен, и мне даже кажется, что слышу, как эта история гремит по всему Риму, как стоустая молва расписывает, каким же я оказался болваном. А вот и Валерио. Бедняга совсем загрустил.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Валерио, Параболано.

Валерио. Синьор мой, так как зависть моих врагов победила вашу доброту, то я, с вашего разрешения, удалюсь, и больше вы никогда обо мне не услышите.

Параболано. Не плачь, брат. Амур, мои безудержные желания и мое простодушие тебя обидели, но ведь в таких случаях человек и поразумнее меня может растеряться. Расскажу тебе одну из самых занятных проделок, когда-либо слышанных за последнюю тысячу лет. Она сделала бы честь не одной сотне комедий. Сам посуди, как мне было не посмеяться над мессером Филиппо Адимари, которого, когда он находился в покоях у папы Льва, заставили поверить, будто рабочие, копавшие котлован для фундамента его нового дома в Трастевере, нашли невесть сколько бронзовых статуй. И вот почтенный Адимари в одном подряснике побежал их смотреть и остался с носом, так же как и я остался с носом, когда меня разыграл Россо.

Валерио. Как? Россо? Меня он никогда не обманывал.

Параболано. А как я потешался над тем восковым изображением, которое мессер Марко Браччи обнаружил у себя под изголовьем? Обозленный Браччи добился того, что взяли под стражу синьору Мартикку, так как он вбил себе в голову, будто она, проспавши с ним ночь, хотела его околдовать.

Валерио. Ха-ха-ха!

Параболано. А как я изводил мессера Франческо Торнабуони, уговаривая его ежедневно принимать двенадцать сиропов и еще какое-то лекарство, хотя он был совершенно здоров, но сдуру поверил, что заразился французской болезнью?

Валерио. Все эти истории известны, ваша милость.

П а р а б о л а н о. Ну а теперь как бы ты посоветовал мне поступить?

В а л е р и о. Я посмеялся бы над любой сплетней и сам рассказал бы про эту проделку именно так, как она произошла на самом деле, ибо тогда над ней будут меньше смеяться и меньше болтать.

П а р а б о л а н о. Ты говоришь как мудрец. Подожди меня, и ты увидишь ту «благородную римскую даму», с которой я только что тешился.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

В а л е р и о, один.

В а л е р и о. Всякому известно, что лишь тот повелевает своим синьором, кто хранит ключи от его наслаждений и от его вожделений, а если кто в этом сомневается, пусть вспомнит, как поступил со мной Россо. И это только благодаря тому, что он умел не столько приводить женщин к моему синьору, сколько обещать ему, что он их приведет. Большие господа всей мирской славе предпочитают личные удовольствия, которые могут себе позволить. И я полагаю, что точно так же поступит всякий, занявший положение, которого достиг мой хозяин.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

П а р а б о л а н о, А л ь в и д ж а, Т о н ь я, В а л е р и о.

П а р а б о л а н о. Ты думала, я тебя не найду?

А л ь в и д ж а. Пожалейте меня, не судите!

П а р а б о л а н о. Какого черта!

А л ь в и д ж а. Вы во сне поведали Россо, что любите Ливию.

П а р а б о л а н о. Во сне... Россо? Ай-ай-ай!

А л ь в и д ж а. Не прими я вашу влюбленность так близко к сердцу, я не попала бы в беду.

П а р а б о л а н о. Что? Ты приняла это так близко к сердцу?

А л ь в и д ж а. Да, синьор. Россо мне клялся, что из-за Ливии вы чуть ли не при смерти, и я решила, что бы

это мне ни стоило, спасти от смерти столь юного и столь отменного синьора.

П а р а б о л а н о. Итак, это я тебе обязан? Ха-ха-ха! Так вот оно что! Подойди-ка сюда, мадонна с прялкой, я даже не разглядел, что ты, оказывается, нарядилась булочником. И повезло же мне, что до Сикстова моста я так и не добрался!

Т о н ь я. Синьор, эта старая ведьма с помощью какой-то агроманции за волосы втащила меня к себе в дом.

А л ь в и д ж а. Врет вонючая потаскушка!

Т о н ь я. Нет, не вру.

А л ь в и д ж а. Нет, врешь.

П а р а б о л а н о. Успокойтесь и дайте мне покричать или, вернее, посмеяться.

В а л е р и о. Всегда, во всех случаях жизни, я знал вас как человека мудрого, теперь же вижу, что вы человек мудрейший. Я догадываюсь, в чем дело, и дело это поистине смехотворное. Однако что это за бородач, одетый женщиной?

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Арколано, Параболано, Валерио, Тонья, Альвиджа.

А р к о л а н о. А все-таки я тебя догнал, все-таки разыскал! И ты здесь, старая обманщица? Сейчас прикончу вас обеих! Не держите меня, человек хороший!

П а р а б о л а н о. Назад!

А р к о л а н о. Дайте мне наказать жену и эту проклятую сводню!

В а л е р и о. Успокойся, стой смирно! Ха-ха-ха!

А р к о л а н о. Только подойди ко мне, потаскуха! Только подойди, беззубая карга!

В а л е р и о. Вот уж потеха! Ха-ха-ха!

Т о н ь я. А ты не грози мне, только время теряешь.

А л ь в и д ж а. Мессер Арколано, прошу, выражайтесь поприличнее.

П а р а б о л а н о. Это твоя жена?

А р к о л а н о. Да, синьор.

П а р а б о л а н о. Скорее, она кажется твоим мужем. Ха-ха-ха-ха! Брось этот нож. Было бы грешно, если б такая прекрасная комедия закончилась трагедией.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Мессер Мако, в одном жилете, Параболано, Валерио,
Арколано, Тонья, Альвиджа.

Мессер Мако. Испанцы! Испанцы!

Параболано. А вот и мессер Мако!

Мессер Мако. Испанцы изрубили меня в куски.

Параболано. Какие еще испанцы?

Мессер Мако. Дайте дух перевести! Я!.. Я!.. Я!..

Параболано. Да говорите же!

Мессер Мако. Я ш... ш-ш... Я шел...

Валерио. Куда?

Мессер Мако. Я ш-шел, вернее, был, то есть шел к... к... синьоре К-К-Камилле. Дайте отдышаться, если хотите, чтобы я вам все рассказал. Мастер Андреа отлил из меня придворного при помощи форм, а дьявол меня испортил. Потом я поправился, потом снова испортился, потом меня снова поправил мастер Андреа. А когда я был исправлен и оказался тем великолепным любовником, которого вы видите, я пошел к синьоре Камилле в дом, ибо, сделавшись придворным, я получил право туда ходить. А проклятые испанцы заставили меня выпрыгнуть из высоченнейшего окна.

Параболано. Как, и вы не разбились? Прыгать из окна? Вот уж поистине, Бог помогает маленьким детям и чудакам!

Мессер Мако. Как помогает?

Параболано. Очень просто. Помог же он вам, когда вас сначала испортили, а потом починили. А ведь многим он и не помогает. Сколько, например, таких, которые приезжают в Рим в полной исправности, а возвращаются домой разбитые, так и не найдя человека, который позаботился бы не только о том, чтобы их починить, но и о том, чтобы они не рассыпались вконец! А среди них попадают люди и знатные, и толковые.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Мессер Мако, мастер Андреа, держащий в руках
верхнюю одежду и шапочку мессера Мако, Параболано,
Валерио.

Мессер Мако. Вот он, один из испанцев! Ах ты, козел паршивый, верни мою одежду! Не держите меня!

Параболано. Ха-ха-ха! Узнаю тебя, мастер Андреа!

М а с т е р А н д р е а . Полно беситься, мессер Мако!

М е с с е р М а к о . Испанец! Грабитель!

М а с т е р А н д р е а . Я — мастер Андреа, я убил того, кто похитил у вас одежду и шапку, я хочу их вам вернуть.

М е с с е р М а к о . Какой ты мастер Андреа? Ты — испанец, отдай мне свою жизнь, и чем скорее, тем лучше!

В а л е р и о . Ха-ха-ха! Опомнитесь, мессер Мако, и вложите ваш гнев в ножны благоразумия.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Р ы б а к , Россо, Параболано, Валерио, Альвиджа, жид.

Р ы б а к . Удирать, проходимец! Ишь вообразил, что в темноте можно спокойно разгуливать? Думал, так легко провести флорентийца? А?

Р о с с о *(в сторону)*. Кажется, влопался. Вы принимаете меня за кого-то другого, добрый человек.

Р ы б а к . За кого-то другого? Хорош гусь! А где мои миноги, обманщик, обжора?

В а л е р и о . Наш Россо...

П а р а б о л а н о . Отойди и перестань шуметь, не порть нашей комедии.

Р ы б а к . Дайте мне горло перерезать этому жулику, который, прикинувшись папским экспедитором, выманил у меня десять миног да еще при помощи какого-то жулика монаха заставил битых два часа простоять у столба, где привязывают бесноватых.

П а р а б о л а н о . Ха-ха-ха! Ай да Россо!

Р о с с о . Синьор мой, простите меня великодушно, не наказывайте! Я раб вашей милости и мессера Валерио, и верьте, что этот добрый человек обознался.

П а р а б о л а н о . Встань сейчас же! Ха-ха-ха!

Р о с с о . Ваш алмаз и ваше ожерелье здесь, у Альвиджи.

В а л е р и о . Ха-ха-ха! Так это ты...

А л ь в и д ж а . Я сейчас же отдам их! Это ненасытный обжора Россо меня подвел...

Р о с с о . Это ты, старая ведьма, подвела бедного Россо, и, клянусь, я тебя проучу!

П а р а б о л а н о . Назад, говорю я вам! Иначе наша комедия лопнет или, того и гляди, завершится трагедией.

Ж и д. Мой жилет! Сдавайся обманщик! Вот как грабят бедных евреев! Увы, несчастное мое тело! О Рим, жирный боров, хорошие же ты усвоил себе нравы! Вместо дукатов с тобой расплачиваются плетьюми! Не иначе как сам дьявол не хочет, чтобы появился мессия. А пора бы!

П а р а б о л а н о. Не шуми, Исаак, Яков или как там тебя зовут. Не почитай за малое счастье, что остался жив, ибо ты один из тех, кто распял Христа.

Ж и д. Терпение!

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Параболано, мессер Мако, Арколано, Тонья,
Альвиджа, Валерио, мастер Андреа, Росссо,
рыбак, жид.

П а р а б о л а н о. Слушайте меня все! Сначала я поговорю с вами, мессер Мако.

М е с с е р М а к о. Это справедливо, ибо я — придворный, придворный с головы до ног.

П а р а б о л а н о. Прошу вас немедленно помириться с мастером Андреа, или с испанцем, за какового вы его почитаете. Если вы признаете в нем мастера Андреа, помиритесь с ним и простите ему, что он вас испортил, ибо потом он вас починил. Посчитайтесь с тем, что он проделал бы подобную штуку и с родным отцом, если бы отец его пожелал сделаться придворным тем самым способом, который, как вы говорите, он применил к вам. Если же вы полагаете, что он испанец, то все равно помиритесь, а причину, почему вы должны помириться, я вам скажу в другой раз.

М е с с е р М а к о. Я готов.

П а р а б о л а н о. Отдай ему одежду и шапку, мастер Андреа.

М а с т е р А н д р е а. Рад служить вашей милости!

М е с с е р М а к о. Я не сержусь, добрый человек.

П а р а б о л а н о. Ты, булочник, забирай свою жену и считай ее честной и красивой, ибо нынешних женщин считают особенно целомудренными тогда, когда они распутны. И у того жена хуже, кто думает, что она лучше других.

А р к о л а н о. Я сделаю все, как советует мне ваша милость.

В а л е р и о. И мудро поступишь.

П а р а б о л а н о. Прощаю тебе, Альвиджа, ибо не должен был тебе доверять. Ты сделала то, что и подобает твоей профессии.

А л ь в и д ж а. Да воздаст вам за это Господь!

В а л е р и о. Ой! Ой!

П а р а б о л а н о. Прощаю и тебе, Россо, ибо, будучи греком, ты показал себя греком и схитрил, как грек. И ты, Валерио, помирись с Россо, как помирился с ним я, ибо провел он меня за нос столь ловким способом, о котором впоследствии я с удовольствием тебе расскажу.

В а л е р и о. Я готов, ваша милость.

Р о с с о. А знаете ли вы, мессер Валерио, что Россо пошел бы за вас на самую лютую казнь?

В а л е р и о. Ха-ха-ха!

Р ы б а к. А деньги за миноги? Кто мне их отдаст?

П а р а б о л а н о. Ты, рыбак, прости Россо, ибо хоть ты и флорентиец, но оказался настолько незадачливым, что дал себя обмануть. Договорись с этой жидовской бестией, выясни, сколько Россо вам должен. Валерио заплатит тебе, а Россо заставит либо вернуть жилетку задку, либо заплатить за нее.

Р ы б а к. Премного благодарен вашей милости.

Ж и д. Располагайте мною по своему усмотрению.

Р ы б а к. Россо-то я прощаю, но не тем попам-предателям, которые содрали с меня шкуру...

П а р а б о л а н о. Сам уладь это дело с попами, которые привязали тебя к столбу и искромсали тебе рубашку. А теперь, Валерио, приняв от меня всяческие извинения, прости обиды, что намедни любовное безумие заставило меня совершить. Я уже повинился перед тобой, а это не шутка, когда человек с моим положением признается в дурном поступке другому, менее знатному, чем он. Ты же, почтенный булочник, помни, что тот, кто, наступив на рога, не сажает их себе на голову, — просто скотина.

А р к о л а н о. Черт возьми, так оно и есть!

П а р а б о л а н о. Конечно. Ведь рога — это древность, и они даны нам свыше. Я полагаю, что Господь Бог собственноручно увенчал ими Моисея, а также и луну. И хотя и тот и другая рогаты, они совсем не те, кем они тебе кажутся. Мало того, луна своими рогами воздает честь небу, а Моисей — Ветхому Завету.

А р к о л а н о. Однако растолкуйте, каким образом беда эта может пойти мне на пользу?

П а р а б о л а н о. А как же? У всех, кто хоть чего-

нибудь да стоит, есть рога. У быков, у улиток... А что ты думаешь о единорогах? Ведь их рог стоит бешеных денег и служит противоядием. И сколько же, ты думаешь, может стоить человеческий рог, если звериный так дорог и обладает такой чудодейственной силой? Человеческие рога помогают от бедности и прочего, и многие синьоры носят их в своем гербе.

Аркoлaнo. Как бы то ни было, я такой, каким вы меня видите, и со своей стороны я насаживал их такой особе, что вам и во сне не приснится. Хватит того, что я вам говорю.

Пaрaбoлaнo. Итак... а ну-ка, мона, поцелуйте вашего мужа!

Аркoлaнo. А ну-ка, целуй!

Тoнъя. Отойди, винная бочка! Не тронь меня!

Аркoлaнo. Ух, паршивая баба, а ты зачем изменяла мне?

Тoнъя. А что же ты хочешь, чтобы я делала с тем, что у меня остается? Бросала бы свиньям?

Вaлeриo. Она права! Ха-ха-ха!

Алъявиджа. Синьор, раз вы такая душка, я достану вам одну особу, которой Ливия и в подметки не годится. Разве что личико, но во всем остальном она несравнима.

Пaрaбoлaнo. Клянусь Богом, ты меня больше не проведешь! И у нее хватает еще духу предлагать мне другую. Валерио, идемте все ко мне домой. Я хочу, чтобы все участники этой беспримерной комедии со мной поужинали, хочу, чтобы ты прослушал ее целиком и чтобы мы все вместе смеялись над ней до утра. Недаром сейчас карнавал.

Вaлeриo. Вот и дом. Пусть мастер Андреа проводит всю эту толпу. Мессер Мако, ваша милость должны пройти первым.

Мессер Мако. Премного благодарен. Синьор Параболано! Первым войдет ваша милость!

Пaрaбoлaнo. Идемте, идемте! Будем пить, есть и веселиться до рассвета!

Рoссo. Господа, тот, кто осудит длину нашего поучения, плохо знаком с придворными обычаями, иначе он знал бы, что в Риме все затягивается, кроме тех случаев, когда человек разоряется, и он похвалил бы нашу длинную болтовню, ибо того, что происходит в Риме, не пересказать и во веки веков.

Зaнaвeс